

ОБЛАВА

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ:
ПОЛИЦИЯ ХВАТАЕТ ПАРНЕЙ НА УЛИЦАХ,
В МЕТРО И МАГАЗИНАХ

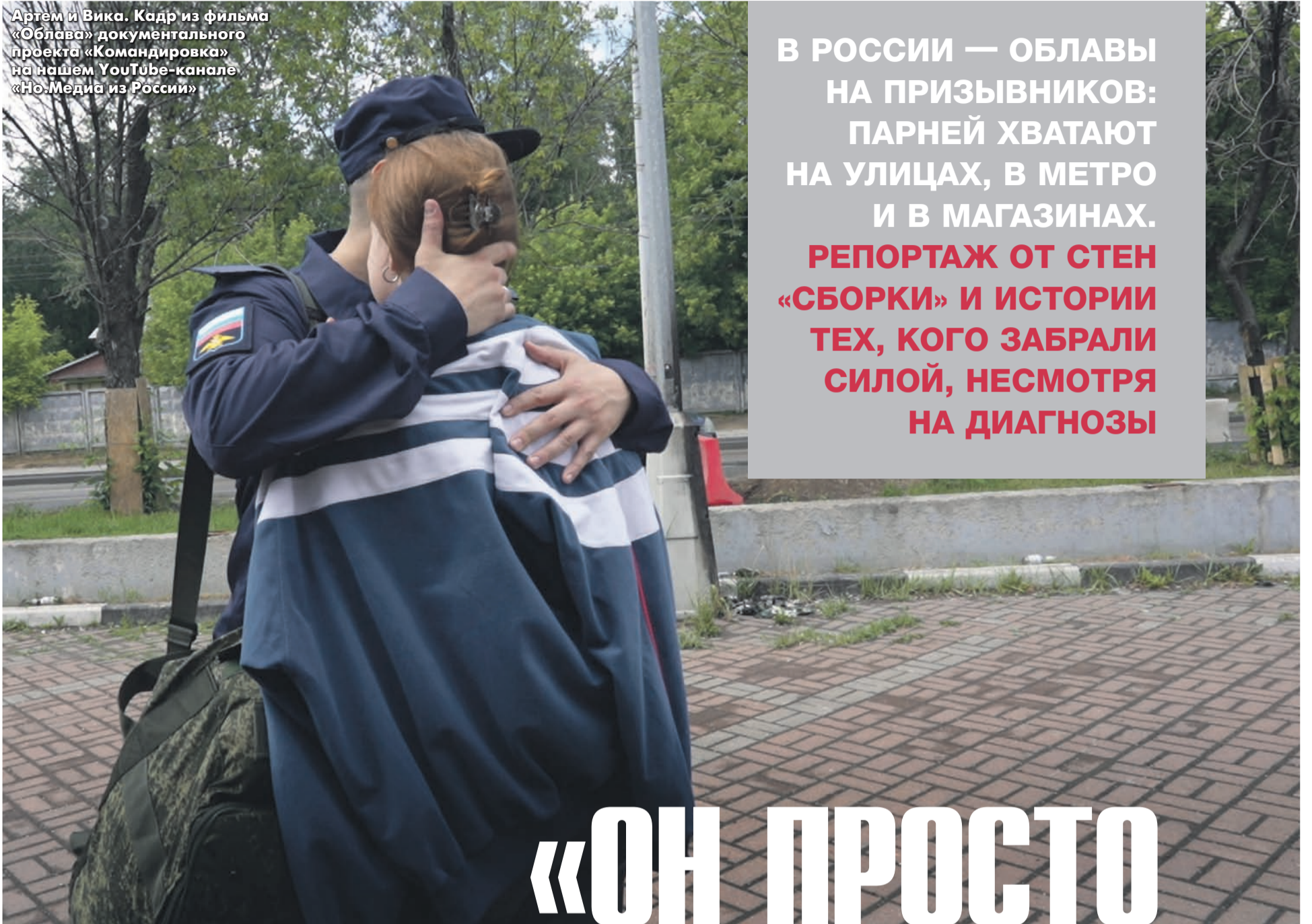

ИСТОРИИ ТЕХ, КОГО НАСИЛЬНО
УВЕЗЛИ НА СБОРНЫЙ ПУНКТ,
НЕСМОТРЯ НА ДИАГНОЗЫ:

**«ОН ПРОСТО
НЕ СМОЖЕТ ДЫШАТЬ»**

СТР. 2–5

Артем и Вика. Кадр из фильма «Облава» документального проекта «Командировка» на нашем YouTube-канале «Но.Медиа из России»

**В РОССИИ — ОБЛАВЫ
НА ПРИЗЫВНИКОВ:
ПАРНЕЙ ХВАТАЮТ
НА УЛИЦАХ, В МЕТРО
И В МАГАЗИНАХ.
РЕПОРТАЖ ОТ СТЕН
«СБОРКИ» И ИСТОРИИ
ТЕХ, КОГО ЗАБРАЛИ
СИЛОЙ, НЕСМОТРЯ
НА ДИАГНОЗЫ**

«ОН ПРОСТО НЕ СМОЖЕТ ДЫШАТЬ»

Угрешка. Эпизод 1

Предисловие

Москва. 4 июня 2024 года. 8.15. У ворот сборного пункта на улице Угрешской толпятся два десятка человек: молодые парни, некоторые с родителями. Рядом с ними — сотрудники полиции и Росгвардии.

В стороне от толпы — мужчина и молодая девушка. Они тоже пришли к сборному пункту, но человек, ради которого они здесь, — уже внутри. Артема Гальцина привезли сюда ночью: около 21 часа к нему домой пришел полицейский, сказал, что нужно проехать в участок и написать объяснительную для военкомата.

— У Артема бронхиальная астма, притом тяжелая. Непризывное заболевание, — рассказывает его друг Антон, сжимая в руках папку с медицинскими документами. — Он совсем не уклонялся от службы, а сам пошел в военкомат с заключениями врачей.

— Но там его признали годным, — добавляет девушка Артема Вика. Она очень взволнована и в какой-то момент начинает плакать. — В военкомате врач сказал ему: «Ну и что, что астма? У меня тоже астма. Но я же работаю. Вот и ты пойдешь служить». Ему постоянно нужны лекарства. И сейчас он находится там без лекарств... Он обжаловал решение призывной комиссии, и полицейский сказал, что нужно просто написать об этом бумажку.

Но из отдела полиции Артема домой уже не отпустили. Его повезли прямо на сборный пункт. «Получается, просто выманили, обманули», — возмущается

девушка, пытаясь передать для Артема лекарства и документы, которые сотрудники сборного пункта упорно отказываются брать.

В такой ситуации Артем далеко не один.

Весенний призыв в российскую армию начался 1 апреля, а к концу мая из Москвы, Краснодара, Махачкалы и других крупных городов стали поступать тревожные сигналы: на парней призывного возраста полиция стала устраивать облавы. Их задерживают на улицах и отвозят в военкоматы. Для отслеживания используют камеры уличного наблюдения. Полицейские забирают

даже тех молодых людей, кто оспаривает решения призывных комиссий в судах. Их призывают одним днем — не дожидаясь судебных решений.

«Новая газета» публикует истории четверых жителей Москвы, которых силой забрали или еще только пытаются забрать в армию. У всех у них документально подтвержденные заболевания, освобождающие от прохождения службы. Они, их родственники и друзья рассказывают, как происходят задержания, как с призывниками обращаются в полиции и в военкомате. И прямо говорят, что в первую очередь хотят предупредить других парней.

История I

Сходил в магазин

Наталья, мама 20-летнего призвника Никиты:

— **С**ына забрали 24 мая на выходе из супермаркета. Он вышел, а его уже ждала полиция. Посадили в машину и увезли в районное отделение. Он лишь успел позвонить, сказать: «Мама, меня забрали».

Его распознали по камерам. Оказалось, что всех, кто не приходит по повесткам — даже по уважительным причинам, — заносят в базу уклонистов. При этом туда не заносят ни информацию о болезнях, ни информацию об оспаривании призыва в судах. Полиции просто спускают список людей и указание доставлять их в военкомат. Мы принимали меры предосторожности: он не ездил в центр, не ездил на метро, но оказалось, что достаточно просто пойти в ближайший магазин...

Никите 20 лет, и он полгода назад бросил институт. До этого у него была отсрочка: не только по учебе, а еще по заболеваниям, с которыми, как мы думали, его не призвуют. У него плоскостопие III степени и артроз. Эти болезни входят в перечень освобождающих от службы. Все было доказано: были сделаны свежие рентгены в государственных больницах, были заключения врачей: хирурга и ортопеда.

Первую повестку — «для уточнения данных» — ему прислали еще в апреле. Он ходил в призывной пункт на Яблочкова. Просидел там весь день: с 9 до 22 часов. Провели медкомиссию, на которую он взял документы. Но врачи не захотели вникать в ситуацию. Они нашли в Единой медицинской системе (ЕМИАС) какой-то рентген двухгодичной давности, глянули вскользь и сказали: «Годе». Когда он все же настоял, что у него есть свежий рентген, врач сказал: «Тут нога стоит неправильно». И все.

Ему дали повестку на 16 мая для отправки в войска.

Мы решили судиться и 25 апреля подали иск. Уведомили об этом письмом призывную комиссию. И послали жалобу в военный комиссариат Москвы. Все три письма были отправлены в один день, все три письма были получены. Суд принял иск к рассмотрению и назначил заседание на 22 мая. Соответственно, Никита не пошел 16-го числа по повестке.

На первом заседании суда было решено привлечь к делу третью сторону — военный комиссариат. Мой сын был истцом, призывная комиссия ответчиком, и вот захотели привлечь военкомат. Назначили еще одно заседание — на 5 июня.

А 24 мая Никиту задержали. У него не было с собой ни паспорта, ни медицинских документов. Даже заряд на телефоне был всего 17%. Он же просто вышел в магазин!

Я успела подъехать к отделению полиции, привезла документы, пыталась показать, что у нас идут суды, что у него медицинские показания, что вообще-то все в курсе должны быть. Но они не стали ничего слушать, они меня просто не пустили к сыну.

Я дождалась, когда его вывели на улицу. Мы переговорили, пока его сажали в машину. Никиту повезли в сборный пункт на Угрешскую улицу. Туда же поехал наш юрист. Но юриста туда не пустили. Родителей туда тоже не пускают, а самих призвников заставляют сдавать телефоны при входе.

Мы долго ничего о нем не знали. Потом оказалось, что там можно использовать кнопочные телефоны, и у двоих парней они были. Эти парни дали другим позвонить. Никита сказал, что в тот день задержали еще 60 таких же ребят. Причем большинство из них были с непризывными заболеваниями: с астмой, с язвой, у кого-то в недавнем прошлом даже был компрессионный перелом позвоночника. Наши юристы сказали им ничего не под-

писывать, но военные, по словам сына, заявили, что распишутся сами.

Некоторые ребята заявляли, что согласны пойти на альтернативную гражданскую службу (АГС), что они пацифисты, что они не возьмут в руки оружие, но военные сказали им, что якобы срочно требуется набрать какое-то определенное число призвников, и пока этого не будет сделано, ни о какой АГС речи быть не может.

Уже ночью 25 мая ребят на двух автобусах отвезли в воинскую часть в поселок Мосрентген. Выяснилось, что Никита с 25-го числа уже числился рядовым. А 2 июня его отправили нести срочную службу в Волгоград. Кого-то распределили в Ленинградскую область, кого-то в Мурманск, в Нижний Новгород, в Симферополь, в Ростовскую область. Я не понимаю, почему срочников отправляют в пограничные регионы — ведь в Ростовскую область и в Крым прилетает, там аукается [спецоперация].

Нет, сын допускал возможность, что его призвуют. Если бы ему дали пройти медосвидетельствование, и он оказался бы годным, если бы доказали, например, что он «обманывает» — хорошо, пусть идет служить. Но ему не дали пройти обследование.

И меня, конечно, очень тревожит его здоровье. Ему нельзя маршировать, ему на физкультуре в школе нельзя было бегать, прыгать. Но маршировать они начали уже на Мосрентгене. Ноги у него стали болеть, и я не знаю, что будет дальше. У меня младшая дочь — инвалид, и теперь я боюсь, что и сын придет инвалидом. Меня волнует, что сейчас их заставляют контракты подписывать. Все родители этого боятся. Я Никите сказала: «Ты нам нужен живым. Ни за какие миллионы не иди. Что бы тебе ни внушали». Он сказал, что все понимает.

Сын уехал, но мы будем добиваться, чтобы его комиссовали. Мы будем судиться. Мы будем продолжать бороться за него. Это борьба с системой. И борьба эта очень сложная. Но я знаю, что таких родителей очень много, и, может быть, мы вместе сможем чего-то добиться.

На перроне, когда его провожали, он был вместе с товарищами, которых забрали точно так же. Я лишь смогла сказать ему и ребятам, чтобы они держались вместе. Храни Бог их всех.

Я рассказываю об этом, чтобы предостеречь других призвников. Мало кто знает, что происходят такие облавы. Ребята, которые со своими заболеваниями, которые судятся, они не ожидают, что их схватят на улице, привезут в военкомат и просто отправят куда-то. Просто хочу, чтобы они были начеку и чтобы... к сожалению, не хочется это говорить,

Из личного архива

Вика и Артем

но, к сожалению, чтобы они не доверяли нашим государственным органам. Пусть сидят дома, пусть ждут судов, пусть не разгуливают по улицам. Получается, что лучше где-то пересидеть до суда. Потому что иначе будет очень сложно что-то кому-то доказать.

Угрешка. Эпизод 2

«В августе планировали пожениться»

Угрешская улица, Москва. 4 июня. От Артема так и нет вестей. Вика узнает, что на сборном пункте разрешено пользоваться кнопочными телефонами, и немедленно вызывает такси до ближайшего салона связи.

— Он все время после задержания — без лекарств. Я думаю, что ему уже плохо, и просто надеюсь, что военные не захотят брать на себя такую ответственность, ведь возможно все — вплоть до летального исхода, — говорит девушка.

Она рассказывает, что с Артемом они учились в одной школе:

— Уже лет десять друг друга знаем. Соседние дома, прогулки после уроков... В этом месяце будет пять лет, как мы вместе. С юношества встречаемся, только начали вставать на ноги. В августе планировали пожениться, и вот...

В салоне связи продавец понимает, зачем девушка вблизи сборного пункта копает кнопочный телефон. Вика на ее слова отшучивается: «Видимо, это такое испытание на прочность».

Артема Гальцина действительно невозможно назвать «уклонистом»: получив

повестку, он 14 мая сам пошел в военкомат на улице Яблочкова — взял туда все документы, доказывающие заболевание астмой. Когда военные врачи решили, что к службе он все равно годен, — обжаловал это решение в суд и в военкомат Москвы. Городской военкомат предписал ему явиться для прохождения контрольного медицинского обследования 6 июня. Но до этого не дошло: вечером 3-го числа Артема забрала полиция, и теперь он в сборном пункте, у забора которого дежурит его невеста.

Принимать у Вики телефон для Артема, как и лекарства с документами, сотрудники сборного пункта отказываются.

История II

«Парень упал и разбил голову об унитаз»

Валерий Васильев, 21 год:

— **В** 16 лет я получил приписное, и после этого военкомат меня не трогал. Никакие повестки мне не приходили, я ни от кого не бегал. Просто у меня непризывное заболевание: атопический дерматит. На меня влияет очень большое количество аллергенов, и если у обычного человека показатели иммуноглобулина «Е» [аллергических антител] от 0 до 100, то у меня в обычном состоянии 700 с лишним. Из-за болезни я очень часто покрываюсь красными пятнами, которые зудят и лопаются: периоды ремиссии редко длятся хотя бы месяц. Я постоянно прохожу лечение, пользуюсь кремами, мазями, лекарственными препаратами. У меня специализированные средства ухода: шампуни, гели. И это часть моей жизни. Просто я без них никуда.

В конце апреля ко мне домой с повестками начали ходить представители управы. Но они почему-то всегда выбирали время, когда я был на работе, а дома были только родители. Раза три приходили, и в конце концов я решил добровольно пойти на пункт призыва на улицу Яблочкова, будучи полностью уверен, что меня из-за болезни призвать не могут. Я принес все документы, но врачи на медкомиссии посмотрели их лишь мельком и отложили в сторону.

Они начали осматривать мое тело — как назло был период ремиссии, и не было явных проявлений болезни. Потом сказали идти на дальнейший осмотр, ничего не предвещало беды, и в конце концов я оказался у главврача. Главврач же внезапно заявила мне, что по итогам медосмотра я признан годным к военной службе. И мне вручили повестку для отправки в войска на 10 мая.

Окончание материала **Ивана ЖИЛИНА** и **Анны АРТЕМЬЕВОЙ** —

СТРАНИЦЫ 4-5 →

Из личного архива

Проявления атопического дерматита у Валерия

← СТРАНИЦЫ 2-3

«ОН ПРОСТО НЕ СМОЖЕТ ДЫШАТЬ»

Я связался с юристами, начал обжаловать решение медкомиссии. Военкомат прислал новую повестку — на 21 мая. Мне сказали, что до этого я должен пройти контрольное медицинское освидетельствование и сказали, что пришлют на него направление. Соответственно, 10 мая я никуда не пошел. Направление не приходило и не приходило, прислали новую повестку — на 4 июня.

А 24 мая мне понадобилось поехать в метро. Я сел в вагон, а через две станции ко мне зашел полицейский и потребовал документы. Так я узнал, что нахожусь в розыске как призывник.

Меня отвели в комнату полиции в метро. Я просидел там с 14 до 17 часов. Мне говорили: «Сейчас покажешь документы [о заболевании] — и отпустим». Но ничего не происходило. А потом они сказали, что мы едем в военкомат. Телефон сказали выключить, потом отдали его приехавшему в отделение отцу. Отвезли в сборный пункт на Угрешскую и завели там в комнату, где стояли двухэтажные койки — 28 штук.

Я увидел там знакомого, с которым мы вместе проходили медосвидетельствование. Он сказал, что рассчитывал на суд — у него тоже заболевание, ему даже назначили заседание, то есть процесс оспаривания решения комиссии начался, но его все равно забрали.

Волонтеры — это такие ребята, которые с военными, кажется, никак не связаны, хоть и работают на Угрешской, — сказали, что сами не понимают, что происходит: до этого, по их словам, задерживали человек 50 в месяц, а в мае все изменилось, и на момент, когда меня задержали, в сборном пункте было, условно говоря, человек 500... По словам волонтеров, 1400 парней в Москве к 24 мая находились в розыске.

На следующее утро нас повели на завтрак, а после него я остался один. Всех из моей комнаты увели проходить медкомиссию, проходить юристов, а меня оставили. Я подходил к волонтерам, спрашивал, в чем дело. Мне сказали: «Жди».

Было какое-то непонимание и страх. Потому что те, кого увели, хотя бы понимают, что с ними происходит. А я просто сижу в комнате с волонтером.

На Угрешской призывников в комнате одних не оставляют. Даже в туалет нельзя самому сходить, потому что один парень, как мне рассказали, специально упал и ударился головой о бачок, чтобы его не забрали. К вечеру нас стало шестеро. Вдруг к 21 часу заходит какой-то важный дядя, суровый очень, и говорит: «На построение!» А никто из нас на освидетельствовании даже не был! Мы об этом сказали. Прибежал какой-то парень — собрал наши документы. Потом в 22 часа опять: «На построение!» И там уже нам всем, кроме одного, сказали: «Ребят, извините, на вас проводилось тестирование системы отслеживания «Сфера». Эксперимент был». И вновь нам вручили повестки на те даты, которые у каждого раньше были. И отпустили.

То есть из всех десятков или сотен человек, которые там были вместе с нами, отпустили только нас пятерых... А я общался с ребятами в комнате: у всех заболевания,

обжалования, суды. Но всех увезли. Был даже один парень, который просто весь день ходил и трясся, реально трясся, с ним поговорить не получалось, он всю ночь ходил и не давал другим спать. Но его все равно посадили в автобус и увезли в часть.

Юристы говорят: ничего не подписывайте, хватайтесь за батареи, не повинуйтесь приказам. Но психологически это очень тяжело сделать. Это только звучит просто, а на деле все происходит так: если ты упираешься, тебя уводят в отдельное помещение, где с тобой сидят пять взрослых людей, которые начинают на тебя морально давить. Они говорят, что если ты сейчас все не подпишешь, то поедешь в Магадан. А подпишешь — будешь служить в отличной части. Рукоприкладства нет, но моральное давление очень сильное. И если ты сидишь там не первые сутки, то сломаться очень легко. Хотя я знаю, что на Угрешской есть ребята, которые упираются уже несколько дней, отказываются где-либо расписываться — даже за завтрак. Их там называют «отказниками».

Я понимаю, что теперь мне нужно добиваться медосвидетельствования, которое военные врачи мне назначили, но на которое никак не могут дать направление. Понимаю, что в армии мне не дадут

лечения, которое мне требуется. И, конечно же, понимаю, какая ситуация сейчас в стране и мире. Я знаю, что ребят склоняют, чтобы они подписывали контракты.

Я не могу сказать, что армия это плохо или хорошо. Могу сказать, что я просто не должен служить, потому что болею. Если бы не болел, пошел бы служить без проблем. Но по закону не должен.

История III

«По глазам вижу, что годен»

Ирина Угулава, мама 22-летнего призывника Александра:

— В 2018 году во время занятий спортом сын получил травму: у него выпала коленная чашечка. После этого ему поставили диагноз: «посттравматический двухсторонний артроз». Ему прямо противопоказаны серьезные физические нагрузки, иначе чашечка может снова вылететь. Чтобы этого избежать, он носит специальный наколенник. Еще у него синусовая аритмия, то есть пульс

может падать до 40 ударов в минуту. Это все подтверждено документально.

Саша не уклонист. Он регулярно ходил в военкомат, когда его вызывали: каждый раз из-за проблем со здоровьем комиссия говорила, что он не годен. И когда 20 апреля его вызвали снова, он пошел.

В едином призывном пункте на Яблочкова он оказался в кабинете с двумя хирургами: один помоложе, второй постарше. Дальше со слов сына знаю, что тот, что помоложе, спросил старшего: «Ну что, ставим ему негодность?» А старший ответил: «Нет, пиши категорию БЗ [годен с ограничениями]. По глазам вижу, что годен». Но сказали все-таки пройти еще медкомиссию на Угрешской — в едином сборном пункте.

Мы не согласились с этим решением. Обжалование было подано 16 мая. 22 мая позвонили из военкомата и сказали, чтобы Саша явился для прохождения повторной медкомиссии, но уже на Угрешскую. Мы ответили, что обжалуем решение медкомиссии на Яблочкова, и нам сказали: «Окей, все, мы вас трогать не будем». А 23 мая моему бывшему супругу просто наклеили повестку на дверь: в ней содержалось требование

Ирина Угулава.
Кадр из фильма «Облава»
документального проекта
«Командировка»
на нашем YouTube-канале
«Но.Медиа из России»

Александр

Из личного архива

В 11 часов приезжает какой-то полковник. Саша звонит и говорит: «Поднялся очень большой шум. Не знаю, что будет». Он сказал, что вместе с ним очень много таких же мальчишек, которых привезли буквально насильно, даже в наручниках. Что у многих проблемы со здоровьем. Затем их начали прессовать, заставляя надевать военную форму. И мальчишки, хоть и не хотели, все же надели ее.

Он позвонил мне в понедельник, 27 мая, попросил не расстраиваться. Его распределили в Ростовскую область, в город Миллерово. У меня очень большая тревога из-за того, что он сейчас находится недалеко от границы с Украиной. Были такие случаи, когда туда прилетали дроны и другие снаряды.

Я очень боюсь, что после трех-четырех месяцев ему могут начать предлагать контракт. А сын у меня, я бы сказала, очень доверчивый. Это самое большое, чего я опасюсь в этой жизни. Это, наверное, самый страшный кошмар. У меня, к сожалению, много знакомых, которые там побывали, и не все вернулись... Им обещают золотые горы, а мне этого не нужно.

После всего того, что я прошла в эти дни с Сашей, я поняла, что военным доверять нельзя: они говорят одно, а получается другое. И от этого еще страшнее за младшего сына, которому сейчас 17 лет. У него тоже много заболеваний, но, как понимаю, на это никто не посмотрит...

Я продолжаю бороться за Сашу, я подала жалобы во все инстанции. Почему-то я все равно верю, что если достучаться

до вышестоящих чинов, то все может получиться...

Угрешка. Эпизод 3. Финал

Слезы

Дождь. 16.00. Вика сидит перед сборным пунктом уже девятый час. От Артема новостей нет, военные по-прежнему отказываются принимать документы, лекарства и телефон для него.

Чтобы укрыться от дождя, она садится под козырек на трамвайной остановке.

Мимо два офицера проводят четверых парней в синей форме. Полминуты ничего не происходит, и вдруг Вика бросается за ними. Она догоняет их и хватается за руку. В синей форме идет Артем.

Офицеры разрешают им попрощаться. Вика рыдает, то и дело хватая Артема за форму и пытается увести от военных. Но все понимают, что он уйдет с ними... Через две минуты офицеры говорят, что время вышло.

— Он лишь сказал, что это воздушно-космические войска, что он будет служить в Твери, — говорит она сквозь слезы. — Сказал, что к нему можно будет приезжать по выходным и что по выходным его будут лечить. Вчера был дома, а теперь... Но он действительно не может жить без препаратов. Он пользуется ими все время. Без них не может полноценно вдохнуть!

И добавляет: «Ему не идет синий цвет. Нет. Я буду за него бороться».

явиться на Угрешскую 24-го числа. Но Саша не пошел, так как у нас была подана жалоба.

24 мая где-то в 16.20 мне позвонил другой сын, Иосиф. Он сказал, что когда заходил домой с покупками, вместе с ним в лифте было двое молодых людей. Он сказал: «Мама, я даже не успел закрыть дверь». Эти молодые люди вошли в квартиру, не имея на то никаких документов. Они прошли по комнатам, начали смотреть в туалете, заглянули под кровать, открыли шкафы, посмотрели, нет ли там Саши. И еще мне позвонила соседка: она сказала, что пришли из уголовного розыска, разыскивают моего старшего сына.

Естественно, такого поворота событий никто не ожидал. Я подумала, что он что-то натворил. Но в полиции мне сказали, что нет, что он должен явиться на Угрешскую до 19 часов, а если этого не произойдет — его объявят в уголовный розыск. Я попросила, чтобы они не делали этого. Сказала, что мы подъедем, куда нам скажут. И они почему-то сказали, чтобы мы приехали в управу района на улице Трофимова.

Мы приехали туда с сыном. Зашли в помещение, нас встретил молодой человек. Он дал сыну ручку и бумагу и сказал, чтобы тот начал писать заявление о том, что обжалует решение призывной комиссии. Потом через минуту ему позвонили, он забрал у моего сына листок и ручку, сказав: «Поехали, там напишешь». Нас посадили в белый автомобиль и повезли на Угрешскую.

Этот человек из управы сказал, мол, вы не переживайте, ваш сын пройдет окончательную медкомиссию, и мы вам его отдадим. Когда я сказала, что может быть, нужно какие-то справки распечатать, он ответил, что на Угрешской есть доступ к системе ЕМИАС, где все Сашины заболевания описаны.

В общем, мы подходим к воротам сборного пункта, и тут этот молодой человек — позже я поняла, что это волонтер, — просто отталкивает меня от двери. У сына забирают телефон.

Я начинаю звонить этому волонтеру. Он не отвечает. Звоню в военную прокуратуру. Мне удастся передать Саше кнопочный телефон, и в 10 часов на следующий день он выходит на связь.

Невеста Артема Вика.
Кадр из фильма «Облава»
документального проекта
«Командировка»
на нашем YouTube-канале
«Но.Медиа из России»

комментарий и советы юриста

Людмила ТРИФОНОВА, адвокат:

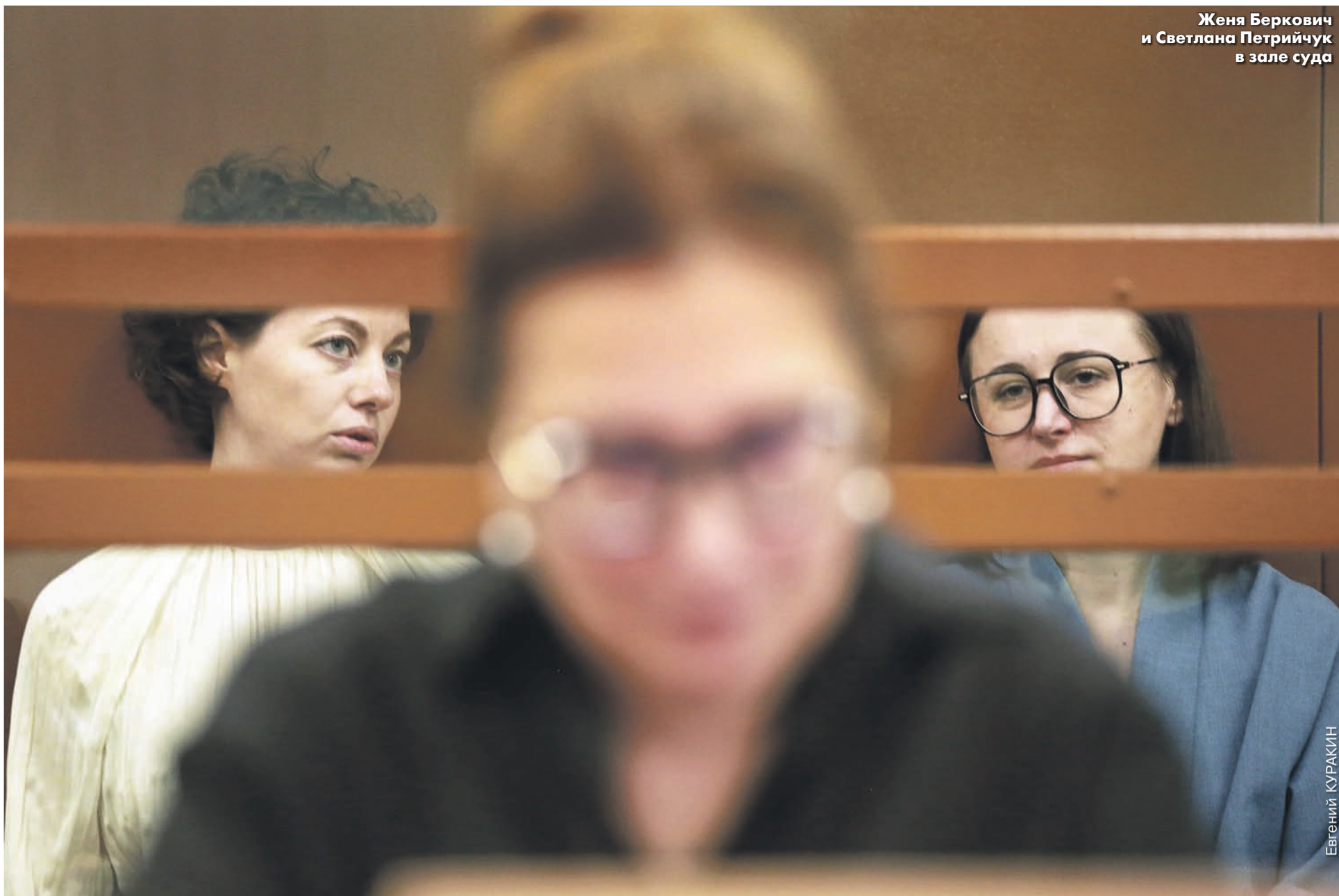
— Главная особенность этого весеннего призыва в том, что суды практически не накладывают мер предварительной защиты в отношении юношей, которые оспаривают решения медицинских комиссий. То есть их задерживают и отправляют в армию, не дожидаясь решения суда. А сами суды либо постоянно откладываются, либо, наоборот, проходят очень быстро и подтверждают решения призывных комиссий. Очень редкими стали случаи, когда человека удается «отбить».

Второе. Ребят массово объявляют в розыск (как минимум в Москве) и отслеживают с помощью городских камер наблюдения, после чего задерживают в общественных местах.

В этих условиях как юрист рекомендую призывнику первым делом написать доверенность на кого-то из родных или адвокатов, в которой отдельно прописать право на представление ваших интересов в воинских частях, военкоматах и, для Москвы, в едином призывном и едином сборном пунктах. Если вас признали годным к военной службе, но

вы не согласны с этим — оспаривайте решение призывной комиссии в военном комиссариате региона и обращайтесь в суд. При этом очень желательно самому никуда не ходить (особенно в Москве из-за камер), а действовать через доверенных лиц.

Если вас уже доставили на Угрешскую улицу в Москве или в сборный пункт в вашем регионе, пытаются на вас давить, заставить надеть военную форму — помните, что все зависит от вашей стойкости. Отказывайтесь от их предложений, если не согласны с присвоенной категорией годности. Требуйте вызова начальника сборного пункта, настаивайте на наличии заболеваний и вызывайте скорую, требуйте назначения контрольного медицинского освидетельствования в больнице. Важный момент: имейте с собой кнопочный телефон без выхода в интернет. Потому что смартфон отберут, но с помощью кнопочного телефона вы все равно сможете поддерживать связь с родными и юристами. Давайте свои кнопочные телефоны тем призывникам, у которых их нет, держитесь вместе. Только эта стойкость, знание закона и способность отстаивать свои права могут вам помочь на сборном пункте.

Женя Беркович
и Светлана Петрийчук
в зале суда

Евгений КУРАКИН

СЕКРЕТНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ И «ИСПАНСКИЙ СТЫД»

В ВОЕННОМ СУДЕ ДОПРОСИЛИ ЧЕЛОВЕКА, С КОТОРОГО
НАЧАЛОСЬ ДЕЛО БЕРКОВИЧ И ПЕТРИЙЧУК

В суде по делу Беркович — Петрийчук допросили «робота Вертера» — так, по словам даже адвоката, звучал секретный свидетель, который и есть анонимный доносчик, снявший спектакль на видео и дошедший с ним до Петровки, 38.

Женя Беркович, очень бледная, до зеленого, запрокидывает голову к стене. Но здороваается, держится перед залом. Переговаривается с адвокатом Орешниковой, та встает, в дверях говорит что-то прокурору Денисовой. Денисова спрашивает Беркович: «Вам плохо?» Надевают наручники на Свету и Женю, выводят из зала, пресса остается щелкать и рисовать адвокатов, наконец-то никому не мешают приставы и прокурор. Я думаю, эта сцена — метафора нашего общества: мы друг друга поддерживаем и свидетельствуем, а повлиять ни на что не можем.

Судья Массин входит, начинает заседание, объявляет причину задержки (был занят зал), из-за плохого самочувствия Беркович подсудимые в

конвойке, им вызвана карета (увы, бригады скорой), заседание отложено. «Поскольку рассмотрение уголовного дела без подсудимых невозможно, заседание отложено до установления возможности подсудимой Беркович в силу состояния здоровья продолжить участие в судебном заседании».

Адвокаты не говорят ничего про симптомы и результат осмотра врачей. Вспоминают, что Елена Эфрос — мама Жени — нам рассказала, что дочь ей писала о том, что плохо переносит поездки в суд. Кто-то поясняет: женщин берут либо в убойно клаустрофобическом «стакане», либо в общем автозаке, где мужики-арестанты все курят.

Приходит муж Жени — он сегодня вызван свидетелем защиты. В коридоре появляется Света Петрийчук (сегодня — в голубом брючном костюме), придерживает Женю рукой, но вроде она уже в силах. Женя — в необыкновенной кремовой блузке жатого шелка с объемными рукавами, и не видно татуировки, копирующей знак «хрупкое» — винный бокал и надпись fragile. Наверное, она не знает и о появле-

нии фестиваля-перформанса «хрупкий» в этом году, и о его запрете в СПб.

14:11. Судья Массин открывает заседание, спрашивает Женю о самочувствии. «Удовлетворительное». Вкрадчиво предлагает, чтоб «легче дышалось», выгнать из зала слушателей и прессу. Решают, как же технически засекретить анонимного доносчика, который после запроса на Петровку с прошлого заседания таки явился в суд.

Что-то судья постановил про «заклеить показания в конверт, опечатать и приобщить к делу». Оказывается, «письмо счастья» в конверте — это только анкетные данные доносчика. На придумывание, как бы технически обстряпать эту анонимность, выделяется час! Аноним получает от судьи нейминг «Никита». На проходе кричат приставы, как на плацу: «Во двор или к Фемиде!» Статую Фемиды в центре суда здесь постоянно называют памятником богине правосудия. Читаем комменты к адвокатской трансляции, гадаем, кто таинственный свидетель.

Наконец все на своих местах (как бы строго, однако, мы все приняли в том самом

общепотребительном сейчас психологическом смысле предлагаемые обстоятельства!). «Никита» прибыл в здание суда. Судья уходит его допрашивать. Из двух плазменных экранов — над «аквариумом» и над нами — появляется звук и знак перечеркнутой иконки «видео».

Прокурор Денисова первая пробует расчелхить эту технологию:

— **Никита! Вами была произведена видеосъемка.**

— Да, была!

Над нами разносится непередаваемый голос — громозеки, инопланетного гуманоида, трансформера? Не голос, а звук. Ближе всего этот голос подходит роботу Вертеру, если бы он взял матюгальник. Слушаем, что говорит.

Видеозапись была сделана в марте 2023 года, ее он и отнес в полицию. «Где и по какому адресу?» в ответ — бульканье, разбавленное словом «осень». Осенью 2019 года он видел читку «Финиста» на фестивале «Любимовка» — догадываюсь. Искажение сигнала слишком сильное, а девочкам за стеклом и слушателям в зале не слышно вообще ничего.

громкое дело

Адвокат Карпинская: «Я возражаю на ваши действия». Судья: «Пояснения по существу показаний вы будете давать в прениях. Это ваше субъективное восприятие происходящего».

«Никита» заявил, что смотрел читку в 19-м году, а потом спектакль в «Пространстве внутри» — спектакль ему «даже еще больше не понравился». После читки он был на обсуждении. А также подслушал (или был участником) некоего разговора между Юрием Шехватовым, Евгением Беркович и Светланой Петрийчук. Якобы они говорили о публикации видео, и «Юра, у которого был доступ», выложил видео на сайте «Любимовки». На вопрос прокурора, кем была осуществлена съемка, «Никита» четко произносит название компании, которая выполняла техподдержку. «Снимала еще девушка от «Любимовки».

Женя говорит, что не слышно совсем ничего, очень терпеливо говорит. Судья слышал только часть сказанного свидетелем. Поскольку происходит явная и очевидно уже неприличная по меркам военного суда кринжатина... Изначально было ощущение, что голос свидетеля не просто шифруется-изменяется, он будто через некую программу деконструируется — фразы дробятся, и слова, как пиксели, «блуждают» и переставляются местами. Перестарались. И, видимо, что-то подкрутили — голос стал просто металлическим.

Два часа слушать робота — это испытание. Даже недомогание и слабость Жени, кажется, отступили перед этим металлом с реверберацией — Беркович стала выдавать свою фирменную эмоциональную мимику в ответ роботу. Мы же, не обладая ее артистизмом, на буквах не будем даже пытаться воспроизвести ни интонации, ни тембр, ни незабываемый «спеллинг» робота, который за два часа просто уморил суд и себя самого.

А ведь именно его вещественный донос — диск с записью — вместе с лингвистической экспертизой и стал сутью обвинения. (Печально уже известный свидетель Карпук с его постами во «ВКонтакте» скорее нужен в этом деле как красный флажок.)

Итак, что мы узнаем за эти два с половиной часа разговора с роботом.

«Никита» «был участником фестиваля «Любимовка» — неизвестно, волонтером или зрителем. Второй раз говорит, что вообще «работал там». На вопрос судьи Массина, каким образом публикуются читки, и возражение Карпинской, каким образом посматривший читку свидетель может это знать, сам «Никита» ответил: «Да, могу, потому что я сам принимал участие в работе фестиваля». Он рассказывает про форму подачи заявки на участие на сайте «Любимовки», но не может сказать, каким из двух возможных способов он попал на фестиваль и был ли участником команды. Путается в важном — кто вел обсуждения читок («Женя Казачков». Наверное, все-таки Юра и Олжас), кто был арт-директором «Любимовки» в 2019 году — перечисляет просто имена драматургов. Но точно называет компанию-организатора трансляции, вот только трансляция случилась годом позже — в 2020-м, в пандемию.

Называет банкет (финальную вечеринку фестиваля) фуршетом. И непонятно, как оказался там, если он зритель (значит — участник). Впечатления от увиденного заставили его поделиться с Петровкой, 38, но не сразу. «Девушки, главные героини, представлены жертвами. И они ни в чем не виноваты. И у каждой есть своя предыстория. Их унижали, притесняли в правах. Это происходило в России. И из контекста следует, что виноваты российские институты государства и общества. Уехав к Финистам, которые не оправдали ожидания, оказались не любящими и заботливыми мужьями, они сожалеют и раскаиваются. А если бы они оказались любящими, то девушки с удовольствием участвовали бы в терроризме. И участвовали в джихаде».

Он не может рассказать подробности о своем участии и об обсуждении пьесы, потому что боится преследования: «театральная среда такая эмоциональная», а также как работник театра «боится за свою карьеру».

Карпинская: «Вам кто-то когда-то угрожал?» — «Да, случилось». — «А Беркович и Петрийчук?» — «Нет, никогда. Я работаю в театральной сфере и знаю отношение к данному вопросу. И боюсь за свою карьеру...» — «Я правильно понимаю из вашего ответа, вы боитесь за свою репутацию?» — «Не только за репутацию. И за карьеру. И за финансовое состояние. И, возможно, за здоровье и жизнь. Дело резонансное. Люди могут реагировать совершенно по-разному». — «Какие люди угрожают вам?» — «В настоящий момент никто не угрожает».

После читки он поделился душевными терзаниями и сомнениями со своим другом-мусульманином с Северного Кавказа. «Мы с ним обсуждали эту пьесу. Я решил снять, чтобы показать ему спектакль, поскольку он сам не мог прийти». И в декабре 2022 года тоже пошел на спектакль (в Боярских палатах) по приглашению (но боится сказать, чьему). И снял спектакль на телефон. Что это за моменты спектакля, «Никита»

ваты». — «А какие фразы позволили сделать такие выводы?» — «Ситуации менялись. На читке были одни, на спектакле другие. Ситуации хрестоматийные. Люди узнают и делают соответствующие выводы. Зрителей подталкивают». — «Какие моменты вас привлекли? Помните ли вы концовку?» — «Да, я присутствовал, дайте только без эмоций»...

Карпинская: «А герой начинает раскаиваться в начале или в конце?» — «Она не раскаивается вообще». — «Чем заканчивается спектакль?» — «Я затрудняюсь ответить». — «В спектакле героиня играла Варвару Караулову?» — «Нет, это собирательный образ». — «Вашему другу-мусульманину не понравилось, как готовился халальный торт?» — «Вы шутите сейчас? Да, думаю, этот момент задел его. Но я не уверен, что ему показывал». — «Какие моменты вы ему показывали?» — «Я не помню детали, я смотрю более 50 спектаклей в год. Тут приравнивают Российскую Федерацию и Исламское государство*. Что отношение к женщине и тут, и там очень похоже. <...> Я комплексно рассматриваю произведение, а не выбираю какие-то куски. Я показывал некоторые моменты, поскольку он разбирается в исламе и может дать свои комментарии».

ГОЛОС «НИКИТЫ» В КОНЦЕ 2,5-ЧАСОВОГО ДОПРОСА ЗАЯВИЛ, ЧТО ОН УСТАЛ, ВЫМОТАН И НЕ МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬ. ИЗ АКВАРИУМА В ОТВЕТ ПОСЛЫШАЛОСЬ: «А МЫ ЗДЕСЬ, ВООБЩЕ-ТО, УЖЕ 13 МЕСЯЦЕВ»

отказался уточнять. Но объяснил, что «не выполнил монтажную нарезку». С телефона запись удалена, он ее перебрал в компьютер и с компьютера записал на диск, который и отнес в правоохранительные органы после того, как друг убедил его, что «это будет правильным поступком. Мы много общались на эту тему. Решение принял я сам. Но он оказал влияние».

Он пошел в приемную Петровки, 38, и там «написал объяснительную и передал ему (очевидно, оперативнику Лисукову, допрошенному на прошлом заседании, 6 июня) диск, попросил о конфиденциальности». Он не читал, что с его слов записал оперативник, и подписал этот документ не глядя.

«Никита» называет Женю на «ты». Адвокат Бадамшин спрашивает, почему запись спектакля сделана в новогодние праздники, а отнести ее в органы «Никита» решил только в марте.

«Вы ошибаетесь. Запись я делал до Нового года. До передачи прошло, может быть, четыре-пять месяцев. Это не так просто — прийти к правоохранителям. Надо быть уверенным в том, что ты делаешь. Сформировать позицию. Что повлияло на меня — со мной происходили разные вещи. Переживания. Гражданская ответственность. Совесть меня мучила».

Бадамшин: «А какие моменты либо фразы вас заделали, которые пропагандируют радикальный ислам?» — «У Исламского государства* есть лозунг — не жить в унижении. На протяжении всего спектакля женщины терпят унижение от государства, от общества. Они подвергаются насилию. Девушки совершенно не вино-

«Никита» рассказывает, что его «заделал в целом посыл спектакля».

«Так какая ваша главная претензия к спектаклю?» — «Террористки показаны как жертвы на протяжении всего спектакля. Что в России женщинам плохо. Женщины живут в унижении, без любви. Направленный посыл — вот здесь, в России, плохо, плохое отношение к женщине, она живет без любви. Именно с этим посылом к террористкам женщины обращаются, и это не отвергается, не критикуется, а подтверждается: женщины живут тут повсюду в женском непонимании, без любви». — «В спектакле присутствуют террористы?» — «Нет». — «Кто такой Финист?» — «Герой сказки». — «А в спектакле?» — «Боевик». — «Почему?» — «Потому что девушки называют его своим «ясным соколом». То ли Омар, то ли Карим. Это собирательный образ».

Защитница Елена Орешникова: «Если в художественном произведении присутствует негативный герой, то значит ли, что его действия оправдываются?» — «Я с вами тут не соглашусь. В «Финисте» негативный персонаж остается негативным. В «Финисте» подмена понятий».

«Еще пучок вопросов». — Женя Беркович, кажется, вновь в силах — от ярости ли? — «Откуда вам известно, кто именно договаривался?» [о выкладывании записи читки] — «Я не могу сказать, это на меня выведет. Ты ее отобрала». Женя задает вопросы: что травмировало его в пьесе? смутил ли его общий посыл? «На обсуждении вы

высказывались?» — «Нет, у меня были сложные, противоречивые чувства. Боюсь, что меня бы осмеяли. Или я бы показался дураком». — «Да, дураком лучше позже, чем раньше. Вы помните, где вы сидели?» — «Нет, это укажет на меня». — «Вы настолько известная персона в театре?.. По вашему мнению, девушки показаны жертвами чего?» — «В каждой биографии приведены различные примеры. Абыюз. Насилие». — «Главная проблема в том, что девушки показаны жертвами насилия?» — «Да, это тоже есть». — «Но это пока не уголовная статья». — «Вы показываете это для оправдания террористической организации. Это уже проблема». Он не может вспомнить ни одной конкретной истории из спектакля, но предполагает, что «не все героини были честны». — «Вам известно понятие «испанский стыд»? — и сама Женя снимает этот вопрос, но «Никита» отвечает: «Да, надеюсь, вы его испытываете».

После этого свидетель с непривычки, видимо, совсем «поплыл». Не смог ответить ни на один вопрос Светланы Петрийчук. Ксения Карпинская гневно говорит о том, что свидетель отказывается от дачи показаний. Но и судье удается добиться немногого от этого надежно защищенного свидетеля. Тот даже не вспомнил, читал ли и подписывал ли свой донос: «Я доверяю сотрудникам правоохранительных органов». «Я в театре работаю, — продолжал он о главном: своем страхе. — Порой бывают личности истероидные, могут с ножом напасть. Я не хочу рисковать». — «В театре настолько трудная обстановка? Что, это обыденно, что кто-то на кого-то может напасть?» — удивляется судья Массин, видимо, после вдохновенного допроса двух историков театра, дюжины актрис и Вениамина Смехова, представляющих себе атмосферу закулисья иначе.

«Никите» разрешили покинуть здание суда.

...Каким-то образом у прокурора Денисенко (вот бы кто выдержал атмосферу закулисья) еще остается энтузиазм ходатайствовать о запросе в Минкульт и ООО «Театральный агент» с проверкой нарушения авторских прав «Любимовки». Бадамшин возражает: это выход за пределы статьи 252 УПК. Куракина поддерживает: ходатайство необосновано. Света Петрийчук (до чего щедрый человек) сразу поясняет, что никак не работает с указанной конторой и никаких показаний «театральный агент» дать не сможет. Женя тоже никогда не находилась с ними в отношениях. «Более того, ни РАО, ни это не является государственным органом. И ничего не докажет». Судья как будто не слышит и отвечает: все это они расскажут в ходе допроса.

Прокурор зачитывает из пятого тома, записанные 4 мая 2023 года показания свидетеля Горина, администратора «Боярских палат». Он бы, говорит, не работал там, если бы увидел в спектакле признаки экстремизма.

Доказательства обвинения закончились, со следующего заседания выступает защита. Анонс на четверг: исследование письменных доказательств защиты и два свидетеля, ожидавшие весь сегодняшний судный день в коридоре, — опытный российский судебный лингвист-эксперт Баранов и муж Жени Беркович Николай Матвеев. Всего защита планирует пятых свидетелей и допрос обвиняемых. О просмотре видеозаписи тоже заявили...

Голос «Никиты» в конце 2,5-часового допроса заявил, что он устал, вымотан и не может продолжать. Из аквариума в ответ послышалось: «А мы здесь, вообще-то, уже 13 месяцев».

А в четверг суд решил заседание закрыть — якобы из-за угроз участникам процесса.

Наталья САВОСЬКИНА

* Организация признана судом террористической.

«КНИГ МАЛО, ПРИДЕТСЯ САМОМУ ПИСАТЬ РОМАНЫ!»

ОЛЕГ ОРЛОВ* ОТВЕТИЛ «НОВОЙ» ИЗ СИЗО-5 СЫЗРАНИ, КУДА ЕГО ДОСТАВИЛИ ЭТАПОМ

Светлана ВИДАНОВА — «Новая»

Олег Орлов, бывший член совета правозащитного центра «Мемориал»*, осужденный на 2,5 года за «повторную дискредитацию армии», прислал из Сызранского СИЗО в «Новую» письмо. Он рассказывает о перелимите арестантов в московских тюрьмах и о том, как тяжелы для заключенных этапы в суды и обратно.

Я и так был отрезан от значительной части новостей, с 12 апреля отрезан полностью. Сейчас я в СИЗО-2 УФСИН России по Самарской области. Это в Сызрани. Тут — на «спецах», впрочем, и в предыдущих моих СИЗО меня переводили на «спецы» (иногда не сразу), т.е. в блок особо контролируемых камер. Тут, где я и сейчас, это означает двухместную, небольшую, но и не слишком тесную камеру. В ней два человека — в этом СИЗО, в отличие от предыдущих, где я побывал, вообще ни в одной камере нет перелимита з/к. Вот так бы везде! Это хорошо. Но есть и минусы. Холодильника, радио, телевизора нет и не предвидится.

Книг не хватает, ручки кончаются, еда приемлемая

Телевизоры вообще тут есть только в малолетке и в некоторых женских камерах. Газет нет. И при этом еще месяц не будет работать библиотека — работающая в ней сотрудница ушла только что в отпуск. Спасибо «продольному», который из другой камеры передал нам две книги. Но их хватит мне ненадолго, очень надеюсь на поступление новых книг. Иначе мне придется самому писать романы. Впрочем, ручки у меня скоро тоже закончатся.

Вам как бывшему члену ОНК (*Зоя Светова была членом ОНК Москвы в 2008–2016 гг. — Ред.*), сообщу, что пока та еда, которую я тут ем, вполне приемлема. Это вообще было для меня приятным открытием, что казенную еду в тех СИЗО, где я был (СИЗО-7 и СИЗО-5, Москва, СИЗО-1, Самара, СИЗО-2, Сызрань), можно есть. А иногда она бывает даже вкусная. Я это пишу без иронии. Я по привычке думал, что казенным питаться будет невозможно. Оказалось, это не так. Конечно, бывает, что есть нельзя — мерзкая вареная капуста (бывала в московском СИЗО-7). Конечно, по возможности все стремятся питаться чем-то из магазина. Но если приходится есть только казенное, как мне сейчас, то прожить вполне можно. Не хорошо, но все же приемлемо.

Мы с вами, правда, раньше немного обсудили московское СИЗО-5 («Водник»), где я жил на «спецах» в новом корпусе. Там же и малолетка. В этом корпусе условия хорошие; я бы сказал, даже комфортные для тюрьмы. И отношение персонала доброжела-

тельное. И главное — нет перелимита. В старом корпусе (общем) — там сплошь и рядом перелимит. Ну вот, например, в камере 5х5 м на 10 мест живет 12–13 человек. Повернуться невозможно. В туалет очередь. Дым стелется от курева постоянно.

Так не везде. При этом в некоторых камерах бывают пустые места. Но такой перелимит — не исключение. А это притом что я в разных СИЗО вижу немало людей, которых вполне можно было бы до приговора держать под домашним [арестом].

Три категории мер для изменения системы

Находясь тут, я постоянно пытаюсь сам с собой обсуждать, как и что тут надо изменить, улучшить. Я бы сказал, что пока у меня сложилось впечатление (может быть, преждевременное — я ведь тут еще недолго), что есть три категории мер: есть то, что можно сделать просто и быстро, есть меры, которые требуют серьезного финансирования, есть то, что требует изменений коренных: целей и задач пенитенциарной системы (последнее возможно только после изменений в политической системе нашей страны и потребует много времени, сил, ресурсов, в том числе интеллектуальных). Говоря об изменениях, я имею в виду меры, направленные на права человека.

Например, этапы. Это всегда тяжело. Даже мини-этапы из СИЗО в суд и назад. И прежде всего такие мини-этапы тяжелы возвращением из судов. Явная нехватка автозакон создает сложную логистику, когда машины везут з/к не в их СИЗО, а собирают з/к в один автозак из разных судов, везут в Мосгорсуд, где перетасовывают по другим машинам, ждут сбора всех машин и уже после этого везут з/к в их СИЗО.

Результат — приезжают в СИЗО поздно вечером. Но еще хуже, что потом в СИЗО з/к набивают в тесные камеры-сборники, явно не предназначенные для многочасового нахождения в них десятков людей. Нет лавочек, плохая вентиляция.

Через несколько часов начинают заводить по одному в помещение для обыска. В «хату» з/к попадает ночью (вся поездка из «хаты» и назад — больше 12 часов), а завтра, может, снова надо ехать. Требуется увеличение парка машин для перевозки з/к и разработки норматива: сколько времени надо с момента приезда автозакон в СИЗО для водворения з/к в его «хату». За выполнение норматива надо спрашивать. Но это заработает только при увеличении финансирования — нехватка сотрудников СИЗО и конвойных сведет на нет любые нормативы, да и уровень зарплат не стимулирует.

Вообще постоянные жалобы ФСИН на недостаток финансов очевидно имеют под собой реальную основу (что не исключает и явного воровства так же). Что не исключает и халатности, и наплевательского отношения со стороны сотрудников.

Когда мы вернулись в СИЗО-5 из суда в пятницу, нас, з/к, было только 20 человек вместо обычных 100 и более. Но мы снова ждали в «сборнике» более двух часов. Лавочки поставить дополнительные в сборниках, повесить вентиляторы вообще ничего не стоит. Но нет...

Так же и с длинными этапами в другие города.

Но бланк закончился. Пишите, присылайте бланки.

С уважением, Олег Орлов.

Подготовила Зоя СВЕТОВА

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

Участник движения «Солидарность» и оппозиционный активист Михаил Кригер более 15 лет выходил на протесты против действующей власти в России и политических репрессий. За свою позицию, в том числе антивоенную, он неоднократно подвергался административным арестам и штрафам. Также на него несколько раз нападали активисты прокремлевских общественных движений. Сейчас он в колонии, где ему предстоит отбывать свой семилетний срок.

В ноябре 2022 года Кригера арестовали по обвинению в оправдании терроризма. Поводом для преследования стал пост активиста в фейсбуке*. Позднее ему добавили к обвинению статью о возбуждении ненависти или вражды с угрозой применения насилия из-за комментария в том же фейсбуке. Кригер вину не признал и в своем последнем слове заявил, что считает обвинения за посты в соцсетях лишь формальным поводом для возбуждения уголовного дела, а в действительности, по его мнению, его преследуют за антивоенную позицию. В начале апреля активист прибыл с этапа в орловскую колонию.

Кригер Михаил Александрович
1960 г. р.
ИК-5 УФСИН России по Орловской области

Спасибо за ваше письмо и за то, что не забываете о нас. С удовольствием попробую ответить на ваши вопросы. Начну об этапе и его трудностях. В моем случае все прошло очень даже легко. Это был мой первый этап за пределы Москвы. Переезды из одного СИЗО в другой тоже назывались этапами. Так вот, как всегда, утром в «Матросской Тишине» завтрак. После этого часов в семь — на «сборку», после недолгого ожидания и обязательного «шмона» нас погрузили в автозак. Примерно через полчаса, кажется, были на Киевском вокзале. Там — погрузка в «столыпинские» вагоны, и мы поехали. В каждом купе семь лежачих мест. Нас в купе было 9–10 человек. По дороге арестантов то высаживали, то добавляли, и на каком-то отрезке времени было в купе и семь человек. Конвой лютым трудно назвать: кипятком снабжали, в туалет выводили. Правда, не сказать, что выводили после каждой просьбы. В полночь примерно меня высадили в Орле. В общей сложности в пути провел часов десять, наверное. Это по железной дороге.

Потом, как обычно, был «шмон» с полным раздеванием и перетряхиванием сумок. Часа в 2–3 ночи завели в одиночную камеру орловского СИЗО, где я отлично выспался. Отсыпался целый день, лишь прервавшись на помывку в бане.

На следующий день, 21 марта, за каких-то полчаса отвезли в п. Нарышкино. Вот и весь этап. Мне трудно оценить этап по шкале «легко — тяжело». Во-первых, человек я неприхотливый. Во-вторых, я очень много читал о сталинских репрессиях, прочел Шаламова, Гинзбург, Солженицына и Петкевич. На фоне тех этапов, камер и лагерей теперешние условия кажутся мне чуть ли не комфортными. Как ни крути, сегодняшний «столыпин» собран на основе пасса-

Соцсети

«В ТЮРЬМЕ САМАЯ СТРАШНАЯ ПЫТКА — ТЕЛЕВИЗОР»

АКТИВИСТ МИХАИЛ КРИГЕР ПРИБЫЛ В КОЛОНИЮ И ПРИСЛАЛ «НОВОЙ» ПИСЬМО, В КОТОРОМ РАССКАЗАЛ ОБ ЭТАПЕ И ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ В СИЗО

жирского вагона. А в 1979 году я, будучи солдатом, ездил с эшелонами на стрельбы в Казахстан в вагонах-теплушках по 8–9 суток в одну сторону. И там мы спали впритык на одних нарах по 8–10 человек. И там не было туалета, справляли нужду на остановках. Но в свои 19 лет я очень легко перенес это «приключение». Да и сейчас не скажу, что очень мучился.

Что было самым сложным в СИЗО? Самое сложное — в одной из камер было соседство с очень тяжелым, непредсказуемым и агрессивным человеком. Это

продолжалось чуть больше четырех месяцев. На этом фоне все остальное было вполне сносным. Я все же не попал в общие камеры, где сидят по 30 человек. Притом что и туалет там был на это же самое количество.

Будучи «особо опасным» террористом с точки зрения российских властей, я и в Бутырке, и «Матросской Тишине» сидел в четырехместной камере. В Матроске вообще было «роскошно». В санузел — туалет и душевая кабинка. То есть мой-ся хоть каждый день. Что мы и делали. Постель и одежду регулярно сдавали утром в стирку, а вечером получали чистые вещи. В общем, в «Матросской Тишине» я чувствовал себя словно в неплохом санатории. На ежедневной прогулке занимался физкультурой. С сокамерниками отлично ладил. Все же люди достаточно уважительно относятся к моему возрасту.

Что, пожалуй, было еще трудностью — это невозможность никуда деться из камеры от телевизора с его оголтелой пропагандой. Это пережил тяжелее всего. Очень трудно мне видеть, как люди назы-

вают черное белым, говорят об общеизвестных истинах. На этой почве иногда вспыхивали споры с соседями. Впрочем, без особой агрессии. В Матроске со мной сидели два осетина 30–40 лет. Они тоже очень уважительно относились к моему возрасту и ко мне. Иногда мне приходилось бороться за свое право участвовать в уборке камеры:)

Сейчас в колонии чувствую себя неплохо. Очень радует возможность быть на воздухе сколько хочешь. Причем, в отличие от СИЗО, в довольно просторном дворе и под открытым небом, без всяких «навесов». Кроме того, есть прогулки в столовую, когда надо — в санчасть, в библиотеку, в ларек. Из-за своего преклонного возраста на работу не хожу, поэтому появляется много свободного времени. В общем, опять это по сравнению с тем, что читал о местах заключения, курорт какой-то:))

С семьей удается поддерживать связь, и она меня очень поддерживает. Мне очень повезло с родными. Подчеркиваю это, потому что наблюдал отторжение, осуждение, непонимание родственниками некоторых политзаключенных. Даже раздражение наблюдал в отношениях моих товарищей, когда еще до уголовного дела отбывал административный арест в Москве. У меня же все отлично в этом смысле. Мои близкие говорят мне: «Мы тобой гордимся». Это так помогает, что, наверное, трудно представить.

Подготовил **Андрей КАРЕВ**

* Соцсеть входит в компанию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ.

«**БЫЛ «ШМОН» С ПОЛНЫМ РАЗДЕВАНИЕМ И ПЕРЕТРЯХИВАНИЕМ СУМОК. ЧАСА В 2–3 НОЧИ ЗАВЕЛИ В ОДИНОЧНУЮ КАМЕРУ ОРЛОВСКОГО СИЗО, ГДЕ Я ОТЛИЧНО ВЫСПАЛСЯ**»

БОГ ВОЙНЫ И ДЕМОНЫ

Протоиерей Андрей КОРДОЧКИН:

**КАК ИДЕОЛОГИ ПРИДУМАЛИ
БИТВУ РОССИИ С АНТИХРИСТОМ**

Артем КРАСНОВ / Коммерсантъ

Российские политические и церковные лидеры все чаще говорят о том, что в СВО Россия борется с сатаной, а российское государство является силой, удерживающей Антихриста от власти над миром. Почему вчерашние коммунисты заговорили апокалиптическим языком? Что все это означает, кто это все придумал и зачем? Разбирается протоиерей Андрей Кордочкин, сооснователь объединения «Мир всем», помогающего гонимым священникам РПЦ.

«Н

аказ» Всемирного русского народного собора от 27 марта 2024 года говорит:

«С духовно-нравственной точки зрения специальная военная операция является Священной войной, в которой Россия и ее народ, защищая единое духовное пространство Святой Руси, выполняют миссию «Удерживающего», защищающего мир от натиска глобализма и победы впавшего в сатанизм Запада». Слово «удерживающий» — прямая отсылка к

посланию апостола Павла: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). По-гречески «удерживающий» — «катехон» (ὁ κατέχων).

О том, что Россия — это катехон из апостольского послания, церковные и государственные лидеры начали говорить задолго до того, как этот документ был подписан председательствующим на соборе патриархом Кириллом. Аудитория этой доктрины гораздо шире, чем сообщество православных верующих. Она адресована ко всем.

Молитва или власть?

У нас сейчас нет возможности говорить о том, что имел (и что не имел) в виду апостол Павел. Блаженный Августин писал об этом отрывке: «Мы не в состоянии уяснить себе того, что разумел апостол. Признаюсь, я не понимаю этих слов». Расскажем в самых общих чертах о том, как катехон понимался в последние две тысячи лет.

М. де Вильде в своем очерке, посвященном интересующей нас теме, выделяет два исторических видения катехона: первый, основанный на силе власти и государства (state-affirming tradition), и второй, согласно которому эта власть, напротив, нуждается в ограничении (state-critical tradition). К примеру, Аристид Афинский и Иустин Мученик (II век) считали, что мир удерживается молитвами христиан. Ипполит Римский считал, что приход Антихриста последует за концом Рима, а Тертуллиан в ту же эпоху (II-III век), ссылаясь на апостола Павла, имел ясный ответ на вопрос, кто такой «удерживающий»: «Кто же это, если не римское государство, падение и разделение которого между десятью царями совершит Антихрист?» Иоанн Златоуст (IV-V века) был знаком с обоими подходами, но склонялся ко второму.

Фома Аквинский считал, что после падения Рима католическая церковь занимает место империи в поддержании мира, поэтому катехон — это скорее община верующих, чем политический орган. Ко времени Реформации государственно-теологическая трактовка пришла в упадок. Для Лютера катехон, так как она была, принадлежал прошлому, поскольку Антихрист уже установил свою власть на папской кафедре в Риме. Кальвин рассуждал похожим образом, но, по его мнению, катехоном остается евангельская проповедь по всему миру, так как она предшествует концу истории (Мф. 24:14).

Образ катехона как силы власти и государства вернулся в XX веке, но уже как часть политического, а не богословского языка — сначала в Веймарской республике, затем в нацистской Германии. Главным теоретиком катехона стал Карл Шмитт, немецкий правовед, политический теоретик и активный член Национал-социалистической партии Германии. Катехон был для него, по выражению де Вильде, промежуточным звеном между катастрофой и вечностью. Это ключевое понятие в истории; вернее, он и есть сама история, ведь если бы «удерживающего» не было, история бы завершилась. В определенный момент катехоном была Византия, ибо «несмотря на свою слабость, она «удерживала» ислам много веков, предотвращая тем самым возможность завоевания Италии арабами». Теперь катехон для мира — это немецкое государство.

На другом конце политического спектра в Германии того же времени Дитрих Бонхёффер критиковал государственную идеологию за то, что она путает временное с вечным, но, тем не менее, также считал, что катехон — это «власть государства для установления и поддержания порядка».

На Руси и в России тема катехона никого особенно не интересовала до конца XIX века. Так, Феофан Затворник в толковании на апостольское послание говорит о том, что знаком и с «духовной», и с «государственной» интерпретацией катехона и склоняется к первой, не отрицая полностью вторую. Тему катехона всерьез взял в оборот Сергей Нилус, известный тем, что опубликовал «Протоколы Сионских мудрецов». Монархия для него и есть единственный «удерживающий» против глобального жидо-масонского заговора. С ее падением приход Антихриста и конец земной истории приближаются неумолимо.

Это видение отчасти сохранялась в русской церковной эмиграции, в большей степени в Русской зарубежной церкви. По мнению ее председателя архиепископа Аверкия (Таушева), православная Россия с помазанным монархом в главе и была «удерживающим». Кто же тогда препят-

ствует пришествию в мир Антихриста после революции? Никто. Только восстановление российской монархии может спасти мир. Справедливости ради, не все в русской церковной эмиграции разделяли это видение. Так, архиепископ Иоанн (Шаховской) считал утверждение, что мир удерживается православной монархией, грехом против Святого Духа, который и есть источник всякой земной жизни.

Тем не менее после перестройки образ монарха как «удерживающего» против Антихриста благополучно вернулся в Россию. Книжки, опубликованные под именем митрополита Иоанна (Снычева), в которых вся современная история объясняется в свете заговора Запада и жидомасонов против России, стали необычайно популярны в православных кругах. Книга «Россия перед вторым пришествием», написанная в схожем ключе, сопровождала «церковное возрождение» в ту же постсоветскую эпоху.

Кадыров против Антихриста

В воззрениях патриарха Кирилла относительно «удерживающего» видна динамика. Размышляя о словах апостола Павла, Патриарх Кирилл в 2016 году сказал, что «Бог через земную жизнь людей, через их работу, через их усилия, через их молитву, через их духовный подвиг, через сохранение добра в этом мире удерживает от пришествия зла». В 2017 году он повторил, что «добро есть то удерживающее, что сохраняет мир от распада, а человеческую историю — от грозного финала». В 2022 году все поменялось. Теперь «добро» имеет институциональную, государственную форму: «Россия становится *удерживающей* от тотального господства зла, то есть пришествия Антихриста. И мы должны сознавать, что именно в это время на Церковь нашу возложена огромная духовная ответственность и за народ свой, и за страну, да и за весь мир» (10 июля 2023 года). То же самое, по сути, было сказано им в Совете Федерации 23 января 2024 года. Через два месяца им был подписан цитируемый «наказ» ВРНС, главой которого он является, а в мае 2024 года он сказал, что Россия «явля-

Дмитрий Медведев — один из главных борцов с адом

ется фактором, удерживающим весь мир, всю современную цивилизацию от страшной деградации, которая может привести к окончанию человеческой истории».

Схожая риторика звучит из уст политических лидеров.

30 сентября 2022 года Владимир Путин заявил, что «диктатура западных элит» означает «полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты «религии наоборот» — откровенного сатанизма. В Нагорной проповеди Иисус Христос, обличая лжепророков, говорит: «по плодам их узнаете их». «Лжепророки» в данном случае — прямая отсылка к «лже-

ПО ВЫРАЖЕНИЮ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА, «СВЯЩЕННАЯ ЦЕЛЬ» СВО — «ОСТАНОВИТЬ ВЕРХОВНОГО ВЛАСТЕЛИНА АДА, КАКОЕ БЫ ИМЯ ОН НИ ИСПОЛЬЗОВАЛ — САНА, ЛЮЦИФЕР ИЛИ ИБЛИС»

христам и лжепророкам» (Мф 24. 24) и к образу Антихриста.

По выражению Дмитрия Медведева, «священная цель» СВО — «остановить верховного властелина ада, какое бы имя он ни использовал — Сатана, Люцифер или Иблис». В своем телеграм-канале Медведев толкует книгу «Откровение Иоанна Богослова»: «Западным странам не удастся отсидеться в своих чистеньких домах и квартирах, посмеиваясь над тем, как они аккуратно ослабляют Россию чужими руками. Все запылывает и вокруг них. Их люди хапнут горя по полной программе. У них в прямом смысле будет гореть земля и плавиться бетон. Нам тоже сильно достанется. Всем будет очень-очень плохо. Ведь сказано: «От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей» (Откр. 9:18)».

Никогда еще российские власти не обращались к народу столь апокалипсическим языком.

Любопытная экскурсия в сознание политической элиты — статья «Антихрист как технология» Андрея Ильницкого, члена Совета по внешней и оборонной политике и советника министра обороны России (!). Статья рассказывает о заговоре глобалистов, стремящихся не без помощи папы римского привести Антихриста к власти над миром. Россия есть «богоизбранный народ», и сейчас она защищает Всевышнего, который один и для христиан, и для мусульман.

Обратим внимание на важные детали, а именно на «иблиса» (одно из имен дьявола в исламе) в посте Медведева и рассуждения о Всевышнем чеченского командира

танинской нечисти», — заявил верховный муфтий России Талгат Таджуддин.

Мусульман много и в стране, и в армии. Борьба с Антихристом должна мобилизовать всех.

«Катехон» уже не является христианским понятием.

«До встречи в СССР!»

Можно было бы предположить, что конспирологическая теория о России как об «удерживающем» родилась в предчувствии революции — «местного апокалипсиса», сохранилась в русской эмиграции, вернулась в Россию после перестройки и овладела умами религиозных и политических лидеров. Это означало бы не понимать ничего из того, что происходит. Все обстоит гораздо хуже.

Есть очень важный маркер, в котором «нынешний» катехон отличается от «прошлого». Это отношение к советскому периоду истории.

Зарубежная церковь была насквозь антисоветской. Советская власть определялась как «сатанократия», а Московская патриархия — как ее инструмент. Нынешние адепты «катехона», напротив, призывают к канонизации патриарха Сергия (Страгородского), подписавшего знаменитую «Декларацию» лояльности церкви советской власти.

Сама идеология «катехона» сегодня предполагает полное и окончательное примирение православия и советского коммунизма под знаменами победы в рамках новой «гражданской религии».

Обратимся к примеру Сергея Кургияна — известного политолога и частого гостя на ТВ. В 2013 году он заявил, что Россия есть «удерживатель», то, без чего мир рухнет. Он поздравил своих читателей с Новым годом словами: «До встречи в СССР! И мы встретимся снова в великой Родине». Функция катехона не только в том, чтобы предотвратить глобальный апокалипсис, но и в том, чтобы отмотать назад локальный апокалипсис — распад СССР. В 2014 году Кургиян сказал, что «коммунизм — это одна из катехонических ипостасей России»: «Пора бы это признать прежде всего нашему официальному православию, потому что это очень сильно продвинуло бы вперед великое дело диалога между православием и коммунизмом». Та же мысль прозвучала в 2015 году: «Все мы (кто «мы»? — А. К.) ждем, когда Церковь наша признает, что Советский Союз был катехоном и удержал силы зла в Великой Отечественной войне... движение, которое я представляю, объединяет светских и религиозных людей... нежелание искать синтез между религиозными и светскими идеологиями — это была глупая ошибка».

Катехон представляется как социальный и идеологический «клей» без всяких религиозных коннотаций. Эта «гражданская религия» предполагает веру в катехон, но при этом можно не верить ни в Христа, ни в Антихриста и вообще не отягощаться религиозным мировоззрением. Тот же самый покровительственный тон прозвучал у Кургияна в 2017 году: «Советский Союз во время войны с фашизмом тоже был катехоном. Мы ждем этого [признания] в том числе от официальных православных кругов».

Продолжение материала
Андрея КОРДОЧКИНА —
СТРАНИЦЫ 12-13 →

БОГ ВОЙНЫ И ДЕМОНЫ

← СТРАНИЦЫ 10-11

Иоанна Богослова». Если это так, то автором нынешнего катехона стала эпоха после распада СССР — переживание местного апокалипсиса. Кто не помнит сравнения Чернобыля с «травой полынью» из книги Откровения?

Тем не менее доктрина не является анонимной. Сообщения о том, что Кремль консультируют Дугин, Багдасарян и Проханов, невозможно проверить, однако я бы выделил одно имя среди этих трех. Выступая 30 сентября 2022 года, Путин сказал о покушениях «коллективного Запада» на «наших философов». За месяц до этого выступления была убита дочь Александра Дугина Дарья, предположительно мишенью был он сам. Логично предположить, что именно Дугина Путин называет «нашим философом».

Анализ трудов Дугина представляется непростой задачей, отчасти оттого, что их количество (причем только опубликованных) приближается к 90, отчасти потому, что, как заметил Виктор Шнирельман, его мысли и концепции противоречат друг другу, а борьба с демократией и либерализмом является едва ли не единственной его константой.

Катехон — одна из его основных тем. Раскрывается она довольно просто: Россия есть Третий Рим, а потому она и есть катехон. Если Россия не справится с миссией катехона, никакого будущего может не быть. Поэтому сейчас она находится в смертельной схватке с Антихристом. «Сегодня сталкиваются две идеи, два воинства, потому что ангелы — это умы и духи. Ангелы и бесы, и поле битвы как раз Украина! Мы святая Русь, о чем говорит Святейший Патриарх, и против нас противостоят силы абсолютного, мирового исторического зла. Поэтому все чаще мы говорим об Армагеддоне, о конце времен и об Апокалипсисе. Это все

свершается на наших глазах. Мы принимаем участие в последней, может, в предпоследней, никто не знает, но в очень важной битве».

Самой важной характеристикой дугинского катехона, на мой взгляд, является его секулярность. В этом смысле он близок Кургиняну. Дугин сообщает, что Сталин «потаенно жив в каждом из нас», в его квазирелигиозном представлении о катехоне нет ничего, что помешало бы статье «Катехон и революция» быть опубликованной на сайте КПРФ. В этом радикальное отличие нынешнего катехона от традиционной православной конспирологии: «Русский Архангел, внешним выражением которого были русские границы, а внутренним содержанием религиозная общность русского народа-богоносца, был последним препятствием для «сына погибели». В этом состояла эсхатологическая миссия России, которая даже под красным флагом, под

Ждать пришлось недолго. По мнению заместителя председателя Всемирного русского народного собора и основателя телеканала «Царьград ТВ» Константина Малофеева, для простого народа справедливость возможна только в случае автократора, каким был Сталин. 15 августа 2023 года в Великих Луках был освящен памятник Сталину. Священник, совершающий «таинство», в частности, сказал, что «пострадала церковь в годы правления Иосифа Виссарионовича, но благодаря этому у нас много новомучеников и исповедников». Видеозапись этого события разошлась по всему миру.

Митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан (Баданин) в книге с интригующим названием «Тайна великой войны» говорит о том, что Сталин был богоизбранным «удерживающим», сменившим Николая II. Фактически храм Вооруженных Сил стал видимым выражением катехонической

доктрины. Понятие «удерживающего» распространяется теперь в полной мере на советскую эпоху: Андрей Громько именуется советским катехоном, постсоветская эпоха называется «посткатехонической», а Александр Проханов связывает «удерживающую» роль России с ядерным оружием и саровскими разработками. Позже мысль о том, что ядерное оружие создавалось в обители преподобного Серафима «по неизреченному Божьему промыслу», повторил патриарх Кирилл, а современного материала об «атомном православии» хватило для одноименного исследования Дмитрия Адамского.

Чебурашка, посланник иблиса

Итак, кто же придумал современный русский катехон? В известном смысле он

придумал себя сам. Долинская-Рыдзек в своем прекрасном исследовании «Антихрист в постсоветской России: трансформации идеомифа» пишет, что Антихрист «является неотъемлемой частью образов русской культуры. На протяжении истории он был не только важной частью историософских концепций, таких как «Москва — Третий Рим» или «Святая Русь», но и служил конституирующим Другим и последним врагом, в борьбе с которым строилась русская национальная идентичность». Российский проповедник и исследователь катехона Вардан Багдасарян писал, что «русские всегда, в каждый исторический момент, были убеждены, что живут во времена апокалипсиса (в том числе апокалипсиса светского) и находятся в эпицентре Армагеддона», и что «каждая эпоха в развитии русской историософии создавала своего Антихриста, имевшего мало общего со зверем из «Откровения

гнетом материалистических доктрин, сфабрикованных «стражниками колодцев Запада», предохраняла человечество от последней фазы его Истории. Даже красный зверь коммунизма был зверем именно Востока, чудовищным оскалом нижних слоев Души, но все же именно Души, живой, вибрирующей, страстной, глубокой, помазанной русской тайной, русской благодатью, испившей живой воды Воскресения».

Дугин, безусловно, является оригинальным мыслителем во всем, что касается эпатажа. К примеру, его утверждение о том, что Чебурашка — это демон Луны, которого зовут Шердбаршмотшертатан, не является плагиатом совершенно точно. Что касается дугинских псевдонаучных высказываний, здесь всегда можно задать вопрос: какие книжки произвели на него впечатление? На мой взгляд, радикальная секуляризация катехона делает его ближе к Карлу Шмитту, чем к какой-либо интерпретации катехона в православной традиции.

Это не открытие Америки. Сам Дугин знаком с его трудами с начала 1990-х годов, и тогда же начал рекламировать его русскому читателю. Шмитт считал, что современная политика использует секуляризованный язык богословских представлений. Он перенес катехон в область политической философии — туда же, где «удерживающий» и находится у Дугина.

Как отмечает Николетти, для Шмитта рейх как царство является динамической силой, которая остается аналогом Грядущего Царства, одновременно сдерживающая «тайну беззакония» и возвещающая о приходе окончательного Царства и дающая ему место в мире. У Дугина схожий подход к делу. Путин — не царь, и Россия — не царство, но для Дугина это неважно. Важны власть и государство как таковые, ибо они священны по своей природе. Дугин восхищается властью как таковой. «Государство это идея. Это эпифания Бога в мире. А власть есть преобразующая мистерия. Обрати внимание на корень ieros в слове «иерархия» — святая власть. Во власти человек движется к Небу», — говорит Дугин. В этой сакрализации государства он гораздо ближе к Ильину, а через него к Гегелю, чем к православному богословию, которое вообще мало интересовалось духовной природой земных институтов. У Шмитта и у Дугина секулярное сакрализуется, а священное профанируется. Границы между царством Бога и царством кесаря нет, она отменена. Власть катехона — это и есть власть Бога.

«Война — наша мать»

Благодаря Шмитту Дугин экспортировал из нацистской Германии в современную Россию не только «катехон», но и представления о мире в целом: противопоставление между друзьями и врагами как основу политической жизни, концепцию суверенитета и в конечном счете войну как смысл человеческой жизни как таковой. Иранские ученые Е. Кулаи и С. Анвари заключают, что оба писателя «синтезировали национализм и религиозность, чтобы построить национальную политическую теологию для консолидации государства и усиления национальной мощи».

Концепция катехона Карла Шмитта связана с его концепцией суверенитета: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении (Ausnahmestand)». Это вполне соответствует дугинским представлениям о суверенитете. «Суверенное государство делает то, что хочет. Суверенитет упраздняет идею международного права», — говорит он.

«Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага», — говорит Шмитт. Как политическая жизнь невозможна без врагов, так и политическое существование человека — его единственное реаль-

ное существование — также бессмысленно без врагов. Враг есть «иной, чужой, а для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним». Если Шмитт был католиком, то как для него необходимость врага и ненависти к нему сочетается с христианством? Никак. Евангелие, согласно Шмитту, не учит о любви к политическим врагам.

В своей книге «Русская война» Дугин прямо цитирует это утверждение и развивает его. «Пара «враг» — «друг», являющаяся и внешне, и внутренне политической необходимостью для существования политически полноценного общества, должна быть холодно принята и осознана». Человеческое бытие без врагов (вернее, без их образов) бессмысленно, потому что без образа врага нет образа самого себя: «Нам нужен собственный аутентичный образ реальности — русский образ. И построенный на нем образ войны, образ себя, образ друзей, образ врага». Доктрина «русского мира» не имеет смысла без постоянного врага. Недаром для А. Дугина самым страшным кошмаром является утрата коллективных идентичностей — это означало бы конец различия друг — враг, конец войне и самой жизни. «Я» — это самое страшное слово.

В конечном итоге и Шмитт, и Дугин объявляют войну смыслом и основным содержанием человеческой жизни. Оба упиваются войной.

«Мир, в котором была бы полностью устранена и исчезла бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворенный земной шар, был бы миром без различия друга и врага и вследствие этого — миром без политики. В нем, быть может, имелось бы множество весьма интересных противоположностей и контрастов, всякого рода конкуренции и интриги, но не имела бы смысла никакая противоположность, на основании которой от людей могло бы требоваться самопожертвование и людей уполномочивали бы проливать кровь и убивать других людей», — писал Шмитт. Эта нормализация войны характерна и для Дугина. Он одновременно нормализует и сакрализует войну. В своей книге «Русская война» он говорит о том, что переживаемые на войне человеческие страдания — не более чем родовые муки, в которых рождается новая жизнь, а сама война не менее нравственна, чем любой

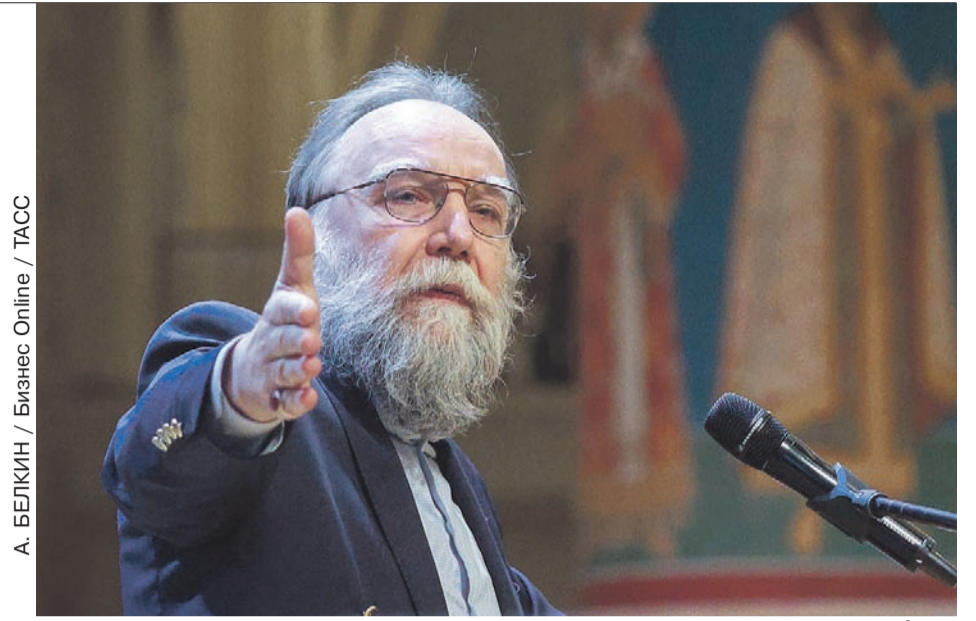

УТВЕРЖДЕНИЕ ДУГИНА О ТОМ, ЧТО ЧЕБУРАШКА — ЭТО ДЕМОН ЛУНЫ, КОТОРОГО ЗОВУТ ШЕРДБАРШМОТШЕРТАТАН, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПЛАГИАТОМ СОВЕРШЕННО ТОЧНО

другой аспект человеческого существования. У нас нет выбора — сражаться или не сражаться. Выбор есть только в том, чтобы победить или проиграть. «Война — наша мать», — пишет Дугин. Воистину, кому война, кому мать родна.

Жажда крови

Восхищение Дугина немецкими национал-социалистами не знает границ. Вместе с Карлом Шмиттом он цитирует Эрнста Юнгера, которого также называет гениальным: «Да, это жажда крови. Она осолена ужасом, но это — опьянение. Такая ненасытная жажда крови. Раздирает она война, покрывает накатами красных волн, когда воздыхающие облачности гибели плавают над полями жестоких схваток. Человек, никогда не сражавшийся за свою жизнь, не может вкусить этих красок.

А. БЕЛКИН / Бизнес Online / ТАСС

Дугин на XXV Всемирном русском народном собрании

Странная вещь, но появление врага на горизонте приносит вместе с последней степенью испуга облегчение от тяжелейшего, почти непереносимого ожидания. Сладострастие крови бьется над войной, как красный парус мрачной галеры. Бесконечность ее желания сближает жажду крови с любовным жаром.

В фашизме есть ясное понимание жизни как борьбы и войны, другие испытания, по мнению его идеологов, являются второстепенными, поскольку не ставят человека перед выбором жизни или смерти. Однако, как отмечал Умберто Эко, «поскольку враг должен быть — и будет — уничтожен, значит, состоит последний бой, в результате которого данное движение приобретет полный контроль над миром. В свете подобного «тотального решения» предполагается наступление эры всеобщего мира, Золотого века. Однако это противоречит тезису о перманентной войне, и еще ни одному фашистскому лидеру не удалось разрешить образующееся противоречие».

Напомним несколько других маркеров фашизма, предлагаемых Эко в знаменитом эссе «Вечный фашизм»: культ традиции и неприятия модернизма (это основа дугинского мировоззрения), несогласие как предательство, национализм, идея всеобщего заговора и риторика «осажденной крепости», культ героизма и смерти, культ мужественности (беспощадное преследование любых неконформистских сексуальных привычек — от целомудрия до гомосексуальности), представление о народе как

о монолитном единстве, выражающем совокупную волю через вождя.

В свете этих характеристик вопросы возникают не только к Дугину. Если среди читателей «Новой газеты» есть российский солдат или офицер, хочу задать ему вопрос. Как вы относитесь к тому, что главный идеолог СВО учит, что «Евангелие и «Майн Кампф» одинаково верны и истинны», и восхищается тем, как «на Востоке, в России восходит фашизм, фашизм безграничный и красный... фашизм безграничный, как наши земли, и красный, как наша кровь»? Является ли совпадением пафос его главного кумира Ивана Ильина: «Фашизм есть стихия национального каления, патриотической страсти и исключительности; он горит, шумит, бурно распространяется и зажигает огни на национальных алтарях»? У вас точно сходится пазл?

Созерцатели руин

Подведем итоги. Доктрина катехона в наставлениях ВРНС и в современном российском официальном дискурсе является инструментом конструирования коллективной идентичности и мобилизации через создание образа врага и его демонизацию (Шмитт — Дугин). Кроме того, она является важным элементом гражданской религии как синтеза между советской доктриной и православным христианством (Кургинян — Дугин). Она способствует нарративу суверенитета (Шмитт — Дугин) и напрямую сакрализует как российскую власть, так и СВО.

Миф о катехоне / Третьем Риме находит свое выражение в международной политике. «Внутренняя исключительность политического мифа о Третьем Риме предполагает образ России как самодостаточной империи, не нуждающейся в соблюдении международных политических и правовых норм. Россия по своей сути добра, Запад — зло. По мнению Дугина (и Холмогорова), Россия в силу своей роли катехона может и должна делать все, что ей заблагорассудится. Именно так понимал суверенитет катехона Шмитт, а Дугин в книге «Русская война» прямо ссылается на понятие истинного решения (Entscheidung) Шмитта как на выход из ситуации, которая уже не может быть разрешена обычными правовыми нормами».

Дж. Хелл в статье «Катехон: имперская теология Карла Шмитта и руины будущего» вспоминает сцену, описанную во «Всеобщей истории» Полибия: Сципион при виде окончательной гибели города Карфагена, побежденного им, заплакал, сознавая, что и Рим когда-то будет разрушен. По ее мнению, катехон есть «часть имперского воображения европейских (пост)римских империй, преследуемых знанием того, что все империи заканчиваются руинами». Это «сценарий созерцателя имперских руин». Ее слова вполне относятся и к современной российской доктрине катехона. Она призвана помочь справиться с травмой распада СССР и преодолеть страх того, что дальнейший процесс необратим. Таким образом, новая триада конспирологии, национализма и милитаризма, объединенная в понятие «катехон», выросла из фрустрации, неуверенности и страха. Это страх перед «другим», который для Шмитта олицетворяли США, Великобритания и Советская Россия, а для Дугина — «Запад» и «англосаксы». Если быть точнее, это страх перед будущим как таковым. Если будущее и перемены — синонимы деградации, остается только апокалиптический язык. Обесценивание будущего в этом сектантском мировоззрении делает применение ядерного оружия, обожаемого адептами катехона, легким шагом.

Андрей КОРДОЧКИН

*Властями РФ движение признано экстремистским и запрещено в России.
**Минюст РФ считает «иноагентом».

БОЛЬШОЕ ПРЕДСКАЗУЕМОЕ НЕЧТО С ЯДЕРНОЙ БОМБОЙ

О ТОМ, КТО ХОЧЕТ
ОБРАТНО В СССР
И КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ
ВЫБИРАЮТ «ВЕЛИЧИЕ»,
А НЕ СВОБОДУ

Все последние месяцы проведения фокус-групп «Лаборатории будущего «Новой газеты» у наших собеседников довольно часто возникали весьма расплывчатые образы будущего, предполагающие возникновение на карте мира некой помеси Российской империи и Советского Союза. В последнее время эти образы стали всё больше напоминать именно СССР. То ли что-то носится в воздухе, то ли общественное бессознательное считывает разбросанные тут и там сигналы, то ли какие-то текущие события намекают о том, что такой поворот сюжета не исключен согласно сценариям, живущим в головах властей предрекающих.

Не то чтобы это было сильно новой темой, поскольку все последние годы раз за разом всевозможные исследования показывали, что в российском обществе довольно велика ностальгия по советскому прошлому. По данным исследования «Левада-центра»*, в 2021 году 63% россиян сожалели о распаде СССР, а по данным ВЦИОМ того же года, 49% опрошенных хотели бы его восстановления. Мы решили уточнить, насколько такая точка зрения распространена сегодня, и провели с тем же «Левада-центром» опрос, в котором задали жителям России вопрос: как, по их мнению, относятся к идее восстановления СССР россияне сегодня?

Результат в целом не то чтобы сильно удивил:

- 11%** считают, что все жители России хотят, чтобы СССР был восстановлен;
- 26%** сочли, что большинство россиян хотят восстановления СССР;
- 44%** считают, что некоторые наши сограждане хотят этого;
- 10%** уверены, что никто в России не хочет возврата в СССР;
- 10%** затруднились ответить.

То есть 80% жителей страны видят вокруг себя людей, которые в той или иной степени хотят восстановления Советского Союза. С одной стороны, кажется, что как-то многовато — 33 года

спустя после событий 1991 года, с другой — наверное, нет, если вспомнить, что в ходе самых разных предыдущих опросов чаще всего люди отвечали, что больше всего в том прошлом они скучают по стабильности и дружбе народов. А сегодня — какая уж стабильность, какая дружба... Конечно, все результаты важны, но, как всегда, при их получении мы по нашей уже сложившейся привычке заглядывать в будущее первым делом смотрим на то, а что же ответила молодежь. Ведь, как говорит Рональд Инглхарт, «когда сегодняшние 20-летние вырастут, их ценности станут доминирующими». Плюс, учитывая, что у современной

российской молодежи нет собственного опыта соприкосновения с чем бы то ни было советским, естественным образом предполагаешь, что их ответы будут отличаться от общей картины.

Но нет:

- 9%** нынешних молодых россиян в возрасте от 18 до 25 лет считают, что все россияне хотят восстановления СССР;
- 21%** из них полагают, что этого хочет большинство;
- 50%** — что этого же хотят некоторые россияне;
- 9%** — что никто не хочет обратно в СССР;
- 10%** — затруднились ответить.

В целом картина практически совпадает с тем, что ответили все остальные, по сути калька с небольшими флуктуациями.

Это интересно: где и кого желающих вернуться в Советский Союз молодые видят вокруг себя и как понимают желание такого возврата. Поэтому мы взяли в руки полученные данные и уже по традиции собрали три группы студентов трех ведущих московских вузов, чтобы поговорить об этом.

Для начала мы в лоб спросили их, как они сами относятся к возможности восстановления СССР, и практически никто не сказал, что хотел бы такого развития событий. Лишь один молодой человек заметил, что «прикольно было бы посмотреть, как оно там было». Что ж, любопытство — это понятно.

Потом мы попросили ребят порассуждать о том, что такого было в Советском Союзе, из-за чего так много желающих туда вернуться. И вот тут во всех трех случаях первый же ответ был отчасти удивительным: «Это же здорово, наверное, жить в такой большой стране». Наши собеседники практически в один голос предположили, что тоскующие по СССР тоскуют в основном по «величию», и это величие в первую очередь, как ни странно, — физическое.

Вот как это описала одна из наших собеседниц: «Страна была такая большая, что в ней жить было наверняка очень интересно, столько всего разнообразного. Можно было путешествовать спокойно в разные стороны, и это было так, как сейчас мы ездим за границу, а тогда просто взял и поехал. Ну и вообще быть такими большими, наверное, ощущалось — как быть какими-то особенными, самыми большими». Наши собеседники очень оживленно подхватывали эту тему, представляя и обсуждая, как это здорово — быть большущей страной. Когда мы предложили им дать синонимы к тому, как это, на их взгляд, ощущалось, мы услышали: простор, размах, сила.

От силы мы дальше и оттолкнулись. Если предположить, что желающие возврата в СССР видят величие той страны в ее силе, то в чем выражалась эта сила, помимо собственно географического размера страны?

Варианты ответов были ожидаемы: армия, ядерное оружие и космос. Единство братских народов и ценности социализма никому в голову не пришли. Сила оружия и сила ядерной угрозы — они для сегодняшней молодежи кажутся визитной карточкой советского могущества, а про то, как все это было на самом деле, о том, как не так, как планировалось, и не туда пошла афганская авантюра, молодые практически ничего не знают. Но знают про космос и очень сожалеют, что, по их мнению, распад СССР приостановил развитие отечественных космических программ: «Если бы не крушение Советского Союза, мы бы уже были круче Маска и уже готовились бы лететь к Марсу, а может, даже уже бы долетели». Вот это кажется молодежи особенно печальным.

Как кажется утерянным в прошлом и ощущение некоего покоя и стабильности, которое, как отметили наши со-

ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ / Коммерсантъ

Да и вообще далеко не все, с кем мы поговорили, считают, что настоящая свобода — такая уж достижимая штука

беседники, доминировало в советском общественном укладе. «Ведь как тогда было? Мне родители рассказывали, что детей спокойно на улицу отпускали гулять, просто так, с ключом на шее. Разве можно сейчас себе такое представить?»

Действительно, представить такое что в Москве, что в любом другом городе или

место, когда мы предложили им в качестве эксперимента проранжировать по важности для них такие вещи, как стабильность, достаток и свобода.

Да и вообще далеко не все, с кем мы поговорили, считают, что настоящая свобода — такая уж достижимая штука, особенно в современном непредсказуе-

шлом? По их мнению, это их бабушки и дедушки, отчасти — их родители, и это понятно: там была их молодость, там их воспоминания, которые греют. Но еще они предположили, что обратно в СССР хотят те, кто не нашел себя в современном мире, наименее обеспеченные и наименее устроенные, те, кому нужна помощь государства, чтобы жить, а не выживать: «Советский Союз же был про равноправие, там не было совсем уж бедных, там, может быть, много чего не было, но никто, как я читал, не бомжевал». И молодые люди предположили, что вот это вот социально справедливое устройство жизни, пожалуй, было бы неплохо видеть и сегодня в окружающей действительности. Откуда ему сейчас взяться и может ли оно в принципе в современной нашей жизни воплотиться — другой вопрос, и реальный, практический ответ на него у них — скорее нет, но желание такое мы все коллективно зафиксировали.

Как и желание некой общей предсказуемости не столько в части личного, а скорее общественного: «Ведь что было хорошо в СССР? Там были эти, пятилетки, и все было спланировано заранее. Все знали, что будет завтра. Не было такого, что живешь-живешь — и вдруг все переменялось, и вдруг ***».

Тут нам пришлось намекнуть нашим собеседникам, что такое романтическое представление об устройстве советской жизни — иллюзия, но мы не могли не согласиться, что как раз такая ностальгическая иллюзия как раз во многом может объяснить, почему и у них, и у их сверстников, и у их родителей, и у бабушек и дедушек может время от времени закрадываться в голову мысль, что в СССР было не так уж плохо, и возникает желание вернуться туда обратно.

Под конец мы спросили молодых людей, а помнят ли они, что вообще такое Советский Союз. Из каких республик он состоял? Ни одна группа не смогла назвать все пятнадцать.

« СВОБОДА — ЭТО ХОРОШО И ДАЖЕ ОТЛИЧНО, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ГИПОТЕТИЧЕСКИ, В ТЕОРИИ. ПРАКТИЧЕСКИ ЖЕ НИКТО ИЗ НАШИХ СОБЕСЕДНИКОВ НЕ ПОСТАВИЛ ЕЕ НА ПЕРВОЕ МЕСТО, КОГДА МЫ ПРЕДЛОЖИЛИ ИМ В КАЧЕСТВЕ ЭКСПЕРИМЕНТА ПРОРАНЖИРОВАТЬ ПО ВАЖНОСТИ ДЛЯ НИХ ТАКИЕ ВЕЩИ, КАК СТАБИЛЬНОСТЬ, ДОСТАТОК И СВОБОДА

населенном пункте России сейчас затруднительно, как затруднительно представить и реализованный в настоящем такой образ советского прошлого, который отчего-то сегодняшнему молодому человеку кажется привлекательным: «Тогда не надо было думать, что дальше, куда ты пойдешь работать после универа. Все было спланировано, все было ясно, ты получал диплом, а дальше все шло по накатанной, и не надо было метаться».

Как насчет свободы выбора? И вот тут было удивительно услышать, что да, свобода — это хорошо и даже отлично, но исключительно гипотетически, в теории. Практически же никто из наших собеседников не поставил ее на первое

мом и турбулентном мире, и уточняют, что и у них отношение к свободе изменилось в последние годы: «Это только кажется сейчас, что мы можем быть свободными и что полная свобода может сделать жизнь лучше, проще. В нашей жизни сейчас много правил, которые лучше исполнять, чтобы не было проблем. Так же было и в СССР — и так всем было спокойнее». В этот момент нам показалось, что общая тональность и, может быть, не высказанный явно, но четко уловимый посыл обсуждения намекнул, что СССР уже почти здесь.

Так кто же, по мнению наших собеседников, все эти люди, которые хотят сегодня вернуться в советское про-

ДВА ГОДА БЕЗ ДОМА

**РЕПОРТАЖ
ИЗ ГЕРМАНИИ,
ГДЕ ПОЛУЧИЛИ
УБЕЖИЩЕ
1,2 МЛН
УКРАИНСКИХ
БЕЖЕНЦЕВ.
ОБ ИХ ЖИЗНИ,
РОССИЙСКИХ
ВОЛОНТЕРАХ И
МАШИНЕ ДОБРА,
В КОТОРУЮ
ПРЕВРАТИЛОСЬ
НЕМЕЦКОЕ
ГОСУДАРСТВО**

Украинские беженцы
в волонтерском центре
помощи Arrival Support Berlin

Влад ДОКШИН

С 7.30 утра у дверей волонтерского центра Arrival Support Berlin, который помогает украинским беженцам в Берлине, начинают собираться люди. Беременные женщины, бабушки и мамы с маленькими детьми, молодые пары с папками и целыми пакетами документов, мужчины с костылями и в инвалидных креслах. Все они ждут волонтерку Тасю с ключами от комнаты ожидания и начала приема. Прием начнется в 9 часов.

Тася уехала из Москвы в марте 2022 года. Вместе с сестрой Дуней и другими российскими и немецкими волонтерами помогает украинским беженцам в Берлине уже два года.

Раньше в помещении волонтерского центра была церковь. Между комнатой ожидания и маленьким офисом,

где волонтеры ведут прием, — арка во двор-колодец. Тася записывает людей из рукописного списка в табличку в ноутбуке: фамилия, имя, с какой проблемой пришли сегодня. За день работы команда волонтеров принимает пятьдесят семей. Тася заводит нас с фотографом в комнату ожидания и представляет как российских журналистов. Многие беженцы сразу отворачиваются, просят не снимать.

Беременная женщина из Херсона с коляской с десятимесячной дочкой соглашается поговорить, но просит не указывать имя и не снимать лицо. Она пришла к волонтерам с просьбой помочь разобраться с выплатами для ее пожилой мамы — пособие не приходит на карточку уже три месяца:

— Мама живет в аэропорту «Тегель», в секторе С. В одной комнате двенадцать человек. Ее кровать на втором ярусе. Ей

76 лет, у нее больные колени и оперированная спина. В одном блоке с ней взрослые мужчины, но никто не поменяется кроватью даже. Меня с дочкой расселили из «Тегеля» в гостиницу в феврале. Мы прожили там девять месяцев, — рассказывает женщина. «Тегель» — бывший аэропорт Берлина, закрытый в 2020 году, а с февраля 2022 года — переоборудованный в лагерь для беженцев. — Сначала с пособия вычитали 120 евро за проживание в лагере, питание, стирку и гигиенические средства. Потом стали вычитать 150. А теперь маме просто три месяца не приходит на карточку ничего. Получили какое-то письмо позавчера, не то из банка, не то из центра социальной защиты. Но мы не читаем по-немецки, вот пришли к волонтерам, чтобы помогли понять, что происходит.

Для украинских беженцев в Германии действует 24-й параграф о временной

защите для людей, бежавших от военных конфликтов. Он дает украинцам право легально находиться на территории Германии, их обязаны обеспечить жильем за счет государства, они могут официально трудоустроиться, получить бесплатную медицинскую страховку, пройти курсы немецкого языка и устроить детей в детский сад или школу. Также беженцам положены ежемесячные выплаты — 500 евро для взрослого человека и от 320 до 420 евро для несовершеннолетних, в зависимости от возраста.

Л юди в очереди шикают на беженку из Херсона за то, что она разговаривает со мной. Обстановка в комнате становится напряженной. Две бабушки в углу громко спорят, одна из них поднимается и кричит мне в лицо:

— Для какой газеты вы это снимаете? Вы будете русским показывать, как нам здесь плохо? Зачем?

Молодая женщина в зеленом пальто молча подтягивает меня к себе за рукав куртки и предлагает выйти во внутренний двор или в волонтерскую, чтобы поговорить.

Евгении 42 года, последние десять лет она прожила в Киеве. В начале марта 2022 года она вместе с пожилой мамой и семилетним сыном выехала в Польшу:

— Был Киев полностью окружен. И мы выезжали в этот момент. Закрывали детей собой. А на спинах у них писали, как зовут, возраст, откуда ребенок. Если родители погибают, чтобы дети выжили. Чтобы было ясно, откуда ребенок. Какая-то минимальная о нем информация. Выехали в Польшу. Пришлось поехать по стране, ночевать на вокзалах.

Семья Евгении прожила в Польше чуть больше года, сын пошел в первый класс, начал учить польский. Но найти долгосрочное жилье и постоянную работу не получилось. Деньги закончились. Никаких выплат в Польше беженцам не положено. Евгения с мамой приняли решение двигаться в Германию, чтобы попытаться найти работу и средства к существованию.

В Берлине Евгению с сыном приютил знакомый. Уже полгода они живут в отгороженном углу его однокомнатной квартиры. Несколько месяцев она проработала в упаковочном цехе на шоколадной фабрике, пока не получила травму спины из-за тяжестей, которые приходилось поднимать.

Сын Евгении пошел во второй класс в школу в Берлине. Учат немецкий и дружит с мальчиком, чьи родители уехали из Москвы в марте 2022 года. Маму Евгении недавно расселили из «Тегеля» в комнату в общежитии.

Большинство беженцев, ожидающих в очереди этим утром, живут именно в «Тегеле». В феврале 2022 года там был организован первичный пункт приема для всех въезжавших в Германию через Берлин. Палаточный лагерь, рассчитанный на несколько тысяч человек. На его территории находится миграционная служба, которая помогает оформить основные документы и распределяет, в какую часть Германии дальше поедут беженцы. Если распределение не в Берлин, то в «Тегеле» они несколько дней ожидают транспорт или билеты на поезд до места назначения.

Если беженцы получают распределение в Берлин, то «Тегель» становится местом их временного размещения до того, как социальная служба находит им жилье в одном из городских общежитий, гостиниц или хостелов. Сами беженцы могут найти бюджетную квартиру, доступную для съема по договору с соцслужбой.

За два года в Германии получили убежище один миллион двести тысяч украинцев. Второе место по количеству принятых переселенцев занимает Польша — девятьсот тысяч. Многие из тех, кто оказался в Германии, стремились остаться в Берлине, в надежде, что в большом городе больше возможностей, легче найти работу и жилье.

Но ни одна система социальной помощи в мире не рассчитана на такое количество людей. Социальное жилье в Берлине закончилось в мае 2022 года. И из места временного размещения «Тегель» превратился в безвременное пристанище для тысяч украинцев. Сейчас на территории лагеря живут пять тысяч украинцев беженцев. Вот что беженка из Одессы рассказывает об условиях жизни в лагере:

— В нашей комнате без двери 14 кроватей, все они заняты. У нас получается три семьи: я с ребенком; одна семья — мама с пятью детьми; и вторая семья — муж, жена и трое детей. То есть в принципе нормально, но тяжело, потому что это не комната, а отгороженный блок в палатке. Нет стола, нет тумбочек,

НО НИ ОДНА СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В МИРЕ НЕ РАССЧИТАНА НА ТАКОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ. СОЦИАЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ В БЕРЛИНЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ В МАЕ 2022 ГОДА. И ИЗ МЕСТА ВРЕМЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ «ТЕГЕЛЬ» ПРЕВРАТИЛСЯ В БЕЗВРЕМЕННОЕ ПРИСТАНИЩЕ ДЛЯ ТЫСЯЧ УКРАИНЦЕВ

нет шкафа. Просто кровати и перегородки. Он не закрывается. То есть у нас соседи через стенку, например, одни мужчины. Они в алкогольном опьянении почти 24 на 7. Ночью выключается свет. И начинаются разборки. Разговаривают, кричат постоянно.

Я посчитала, у нас получается в одном корпусе пятьсот человек. Ну то есть в жилой палатке. Пятьсот человек, понимаете. И у каждого почти ребенок. Все болеют. У кого-то ветрянка, у кого-то вши. И это тоже есть. К сожалению, об этом люди могут не говорить. Медицинскую помощь получить очень сложно, особенно пока нет страховки. Сын болеет несколько раз в месяц, в медпункте можно разве что таблетки парацетамола добиться.

Кормят три раза в день в общей столовой, но большую часть еды ребенок не ест — все очень острое и соленое. Ест, только когда дают макароны и картошку. На обед почти никогда ничего не ест. Поэтому большая часть денег уходит у меня на продукты для ребенка и на лекарства. Все говорят: «Вы живете на выплатах». Но, извините, поживите в тех условиях, в которых живем мы. И мы посмотрим, насколько выплат этих вам хватит.

Кроме проблем с поиском жилья семьи беженцев с детьми сталкиваются и с другими трудностями. Из-за того, что «Тегель» задумывался как место краткосрочного размещения, в нем не предусмотрена полноценная прописка. Многие беженцы живут там больше шести месяцев, а иногда и года, прежде чем удастся найти другое жилье. Без прописки нельзя устроить детей в сад или школу. Недавно рядом с лагерем открыли школу специально для детей беженцев, но она рассчитана на 150 мест. Для нескольких тысяч семей — это капля в море.

Разбираться с получением прописки, пособий, медицинской страховки тоже очень трудно — нужно понимать немецкий язык. Переводчики в соцслужбах и центрах занятости в большом дефиците, а все документы нужно отправлять почтой и заполнять на немецком. Большинство беженцев, оказавшихся теперь в Германии, никогда не планировали переезжать сюда, не учили немецкий или какой-либо другой язык.

Именно с этой частью новой жизни украинцам помогают справиться волонтеры. Многие из них — россияне, уехавшие из России после февраля 2022 года, некоторые давно живут в Германии. В проектах Arrival Support Berlin и «Межкультурный дом Шененберг» также участвуют немцы, они общаются с беженцами на английском или просят русскоговорящих волонтеров переводить.

Сестра Таси, Дуня, одна из первых волонтеров, которые начинали помогать беженцам еще на Центральном вокзале Берлина весной 2022 года, рассказывает, какая помощь больше всего требуется:

— Мы начинали как волонтерские организации, которые помогают именно с документами и разными другими бюрократическими проблемами, которые

возникают у украинцев в Берлине. Но в конце концов получается, что мы помогаем вообще со всем. Мы ходим вместе с ними на переводы в больницы, в социальные службы, в центры занятости. Мы помогаем разобраться с медицинской страховкой и выпиской лекарств.

К нам приходят женщины, которые, например, беременны, и им нужно оформить все документы и получить свидетельство о рождении для ребенка в Германии. Это целый квест.

Волонтеры оказывают беженцам долгосрочное сопровождение. Со многими семьями работают уже больше года. Два раза в неделю в центре проходят консультации. В другие дни волонтеры по очереди ходят с беженцами в государственные учреждения. Все украинцы, с которыми мы разговариваем в центре, с большой теплотой отзываются о волонтерах и говорят, что без них не смогли бы справиться с новой реальностью.

Тася отшучивается от их благодарностей и замечает:

— Здесь, как и везде, важно просто, чтобы [госорганы] увидели, что с человеком кто-то пришел. Что он не один, за ним кто-то стоит, ему кто-то помогает. И это тоже очень сильно влияет. Так везде. Основная идея, наверное, по которой я это делаю и многие наши волонтеры, — никто не должен оставаться один на один с системой. И не важно, что это за система и где она.

За два года за пределы Украины были вынуждены выехать десятки миллионов беженцев. Шестнадцать миллионов из них до сих пор находятся в Европе. Это — самая крупная гуманитарная катастрофа последнего времени. Десятки тысяч украинцев до сих пор живут в палаточных лагерях. Никто из них не знает, когда сможет вернуться домой.

Влад ДОКШИН

Евгения, беженка из Киева

К нам приходят люди, когда у них умирают родственники, это тоже нужно все оформить. Очень многие хотят потом вывезти, например, урну за пределы Германии и похоронить уже в Украине. Это невероятно сложная процедура. Никакой немец, наверное, не сможет сам с этим разобраться. Что уж тут говорить о беженцах, которые не знают языка.

Очень часто к нам приходят люди, которые, например, из-за каких-то технических ошибок или неправильно заполненных заявлений не получают так долго выплат, что им нечего есть. Ну они, конечно же, не могут разобраться ни с какой бюрократией. Потому что они, например, не умеют читать ни на каких языках, кроме украинского. Да, к нам такие люди тоже приходят. Их много, и к ним нужен специальный подход. А для них нет специальных сотрудников.

Крупные международные благотворительные организации сворачивают свои программы помощи в приграничных районах Польши и в Германии из-за снижения потока людей. Государственные программы помощи захлебываются от беспрецедентного количества беженцев.

Судьбы людей, их личные истории и адресная помощь остаются в руках самоорганизовавшихся маленьких групп.

— Мне лично важно, что у меня есть какая-то возможность противостоять тому ужасу, который происходит. Делать свою часть. Я не нахожусь в России. Отсюда единственная возможность, которая у меня есть, — это помогать украинцам и украинкам. И таким образом всецело сопротивляться, — говорит Дуня.

В январе 2024 года в телеграм-канале «Русская община Екатеринбург» появилось видео рейда силовиков по строительным площадкам города. На этом видео задержанных мигрантов, уроженцев Кыргызстана, ставили на колени и, унижая, заставляли ходить гуськом. Как сообщили позже сами «общинники», из 150 задержанных было депортировано

восемь человек, еще четверо, с российским гражданством, получили повестки в военкоматы.

Видео с издевательствами спровоцировало скандал. Ситуацию прокомментировал МИД Республики Кыргызстан: «Действия, унижающие человеческое достоинство граждан, недопустимы!» Официальные представители Кыргызстана пообещали инициировать разбирательства по данному факту на уровне федеральных органов власти.

Ситуацию с мигрантами тогда прокомментировала и уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова. Омбудсмен сообщила, что ею также была инициирована проверка действий силовиков.

Тем временем пресс-секретарь регионального главка МВД Валерий Горелых подтвердил, что рейд действительно проводился — однако сотрудники полиции, с его слов, не имели никакого отношения к снятому видео. Как позже выяснилось,

прокуратура не смогла установить виновных. И автор видеозаписи с издевательствами над мигрантами так и не был найден.

Однако не надо работать в прокуратуре, чтобы понять, где искать. Вот, в частности, что писало немногим позже уральское информагентство URA.RU: «В период с 19 по 23 апреля были осуществлены выезды на рынки и в ряд организаций и торговых точек города Березовского. В ходе таких рейдов удалось выявить бывших трудовых мигрантов, не так давно получивших граж-

КОРРЕСПОНДЕНТ «НОВОЙ» ДВА МЕСЯЦА НАБЛЮДАЛ ЗА ЯЧЕЙКОЙ «РУССКОЙ ОБЩИНЫ». ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРАЯ НАСЧИТЫВАЕТ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ПО ВСЕЙ РОССИИ

«ТОЛЬКО НЕ НУЖНО НАЗЫВАТЬ НАС НАЦИСТАМИ»

Группа «Русская община Екатеринбург» в ТТ»

Празднование Масленицы в Шарташском парке

данство Российской Федерации, которые были доставлены в военный комиссариат Березовского для постановки на воинский учет и оформления соответствующих документов. <...> В рейдах в Березовском также принимали участие представители различных структур: следственного комитета, полиции, комиссариата, подразделения по борьбе с экстремизмом и участники движения «Русская община».

Впервые Россия услышала о появлении организации под названием «Русская община ZOV» в марте 2022 года, когда российская техника все с теми же латинскими буквами на бортах пошла в Украину. Сегодня же «Русские общины», подогреваемые медиа православного олигарха Малофеева, не вылезают из федеральной повестки.

Из точечной организации «община» разрослась на всю Россию. В ютубе у них канал на 400 тысяч подписчиков, телеграм-каналы, освещающие деятельность организации, есть практически в каждом регионе. Однако одним из главных ньюсмейкеров действительно можно считать именно отделение в Екатеринбурге.

Корреспондент «Новой» Никита Телиженко решил поближе познакомиться со свердловской ячейкой «Русской общины» и в течение двух месяцев наблюдал за ее активностью.

Культпросвет

На Масленицу в Шарташском парке, что на окраине Екатеринбурга, было шумно и весело — гулянье было организовано местным отделением «Русской общины».

Когда я приехал, над лесом уже вовсю разливались народные мотивы, издали было слышно детский смех, а мимо меня по дороге, украшенной по бокам черными знаменами со всадником — это символ «Русской общины», — неспешной труппой двигалась небольшая группка парней, около 10–12 человек. Худощавые, высокие, с лицами, закрытыми балаклавами. На каждом — камуфляж серо-песочного цвета, армейская бейсболка с символом Z, армейская разгрузка, на плече — шеврон с изображением коловрата. К тяжелому военному рюкзаку ведущего был прилажен флажок с колышущимся на ветру черным флагом.

Скорее всего, подростки, они бежали на музыку. Увидев мою камеру, несколько человек разбежались по сторонам, давая понять, что даже в масках и бейсболках не желают попадать в объектив. Но другие, напротив, решили поприветствовать фотографа, взмахнув на камеру рукой.

В эпицентре праздника — невысокая сцена с колонками и микрофоном. На сцене распевали казачьи и народные песни четыре девушки в кокошниках и сарафанах. Потом еще на сцену вылез целый депутат Госдумы от партии «Единая Россия» — Сергей Чепиков. Из-за детского смеха и ветреной погоды дословно разобрать, что конкретно говорил парламентарий, было сложно. Доносились только обрывки фраз о единстве, исконных тра-

дициях, семье и патриотизме... Короче, на первый взгляд в парке происходила эпичная туса в лучших традициях самодеятельности глубоко провинциального дома культуры. Вот только публика собралась немного другая: среди пенсионеров и мамаш с детьми в разноцветных зимних комбинезонах — многочисленные крепкие молодые парни, вроде тех, что я встретил на дороге. Не помню, чтобы раньше такие мероприятия привлекали внимание подобной публики.

Одетые на фанатский манер ребята в черных футболках с логотипом «Русской общины» развлекались на Масленице наравне с детьми. Благо в этом плане община подготовила все необходимое:

Есть желание потягать гири? Пожалуй-ста! 15 килограммов советского чугуна к вашим услугам. Скучно качать железо? Пожалуйте за стол для армрестлинга — именно у него и собралось больше всего желающих состязаться, но вскоре начавшийся турнир оборвался. В микрофоне послышался лихой, задорный и немного с хрипотцой голос массовика-затейника, седого казака в большой белой папахе.

— Выходи-становись, братской силушкой сразись, — завел он незатейливую присказку, словно с детского утренника с последующим чаепитием.

Бородатый дед разделил пришедших на две команды и призвал их крепко сомкнуть ряды: «Плечом к плечу, чтоб муха не прожужжала!»

Где-то сбоку от меня потянуло ароматом свежесваренного кофе, послышался хруст круассана: это гости, переживавшие концерт народной казачьей самодеятельности в шумоизолированном кафе, хлынули на улицу своими глазами посмотреть на кулачный бой.

Спустя несколько мгновений на поляне выстроились две команды, по

20–30 человек каждая. Казак скомандовал начинать бой, и шеренги, ударившись друг о друга пару раз, распались, а участники, задорно хохоча, начали метить друг друга с агрессией, помноженной на собственную бесцельность...

К моему удивлению, тех, кому льющаяся через край традиционность не особо зашла, также оказалось немало. Люди тихо что-то обсуждали или просто скролили ленты в смартфонах. Среди таких вот не особо заинтересовавшихся «традиционной русской забавой» был и хозяин стола для армрестлинга, молодой светловолосый парень по имени Сергей. Координатор одного из районных отделений «Русской общины», тренер боевых искусств. Мы разговорились, и выяснилось, что у нас много общих точек.

— В 2017–2018 годах, когда были митинги за Навального, я многое не понимал и тоже там участвовал, — рассказывает мне Сергей. — Сейчас-то мне за это стыдно. Но я в их движении не состоял. Я просто приходил на митинги против коррупции. Тогда у меня мозгов не было, и я думал, что так надо. А когда началась СВО, мы начали собирать гуманитарку, тренировать ребят.

— А у тебя не было желания поехать туда самому?

— Было, и до того момента, пока я не начал работать с «Русской общиной», еще долго оставался. Но теперь парни, которые там воюют, пишут мне и благодарят нас за то, что мы делаем здесь. Это очень важно. Еще важно, что после того, как мы предаем огласке какую-то проблему или нарушения, власти стараются ее очень быстро решить. Приходит понимание, что ты оказался по одну сторону с нужными людьми и от твоих действий что-то зависит.

К нашему разговору присоединяется Виталий, невысокий, слегка полноватый дядька лет около 45–47. Рассказывает, что работает станочником на одном из городских предприятий. И является членом общины с августа 2023 года:

— Когда община у нас только появилась, это год назад, если не соврать, или может, чуть меньше, первым про них узнал мой напарник. Он моложе, вечно в телеграме сидит, как что-то новое найдет — мне рассказывает. Ну вот, скинул как-то новость про «Русскую общину». Но не про нашу еще, а про какую-то московскую или питерскую, кому-то они там помогли. Ну и так промежду делом рассказывал. Потом они появились здесь, он мне: давай сходим. Я тогда не пошел, говорю: ну вот тебе интересно — ты и сходи. Он вернулся — давай руками махать, рассказывать.

Мне, знаешь, в какой-то момент вообще показалось, что это либо бритоголовые, либо секта. Я поэтому до последнего и отнекивался. Но все равно на третий или четвертый раз он меня уболтал... Сходили —

и в этом правда что-то есть. У нас же как? Вообще было не принято... такое. Кому-то помогать, кого-то поддерживать. Всегда было: твои проблемы — ты и решаешь. Но, видимо, после того, как СВО началась, и люди стали меняться, что ли.

— Как, по-вашему, они стали меняться? — спросил я.

Виталий на секунду задумался.

— Не знаю, дружнее, что ли, стали, сплоченнее... Вот я, к примеру. Не могу туда, на Украину, поехать. Потому что у меня мать больная, дети маленькие, их надо поднимать... И жена меня никуда не отпустит. А как парням помочь? Хочется ведь... Ну вот начали понемногу гуманитарку собирать. Кто раненый приходит — им помочь. Да и просто пообщаться, узнать, как там на самом деле. Нельзя же все время только телевизор смотреть. Раньше такого не было, потому что мы, как собаки, грызли друг с другом... А мужики в общине разные: от во-о-от таких, — Виталий потянул вверх руку, — бизнесменов, коммерсантов, до обычных работяг. Бывает, на машине едешь, рядом тачка навороченная, с наклейкой нашей. Сигналом друг другу.

— А как у вас с политическими взглядами? Говорят, ваши ребята громили мемориалы Навального?

— Кто?

— Ну вот «Русская община».

— Да я не знаю. Мы же, видишь, как... Вообще в политику не лезем. А кто сказал, что это «Русская община»?

— Так сами общинники и говорят.

— Ну может, кто-то и громил, я не знаю, я там не участвовал, — осторожно ответил мне Виталий. — Но если хочешь знать мое мнение, я поддерживаю. Он же америкосовский. А америкосы здесь Майдан хотели устроить. Так что поделом.

«Община» спешит на помощь

Чтобы подобраться поближе к «общинникам», я скачал себе их приложение — это легко можно сделать в GooglePlay и AppStore.

На сегодняшний день в сообществе «Русской общины» в Екатеринбурге состоит более 11,5 тысячи человек, и рост численности не останавливается. Но небывалый рост аудитории объясним и, кажется, несет сугубо психологический характер: «Русская община» продвигает свое приложение как средство бесплатной психологической, физической и даже правовой поддержки. Под иконкой с синим логотипом в виде то ли ели, то ли листка прячутся новостной агрегатор, рекрутинговый центр и кнопка помощи.

Окончание материала
Никиты ТЕЛИЖЕНКО —
СТРАНИЦЫ 20–21 →

Группа «Русская община Екатеринбург в ТГ»

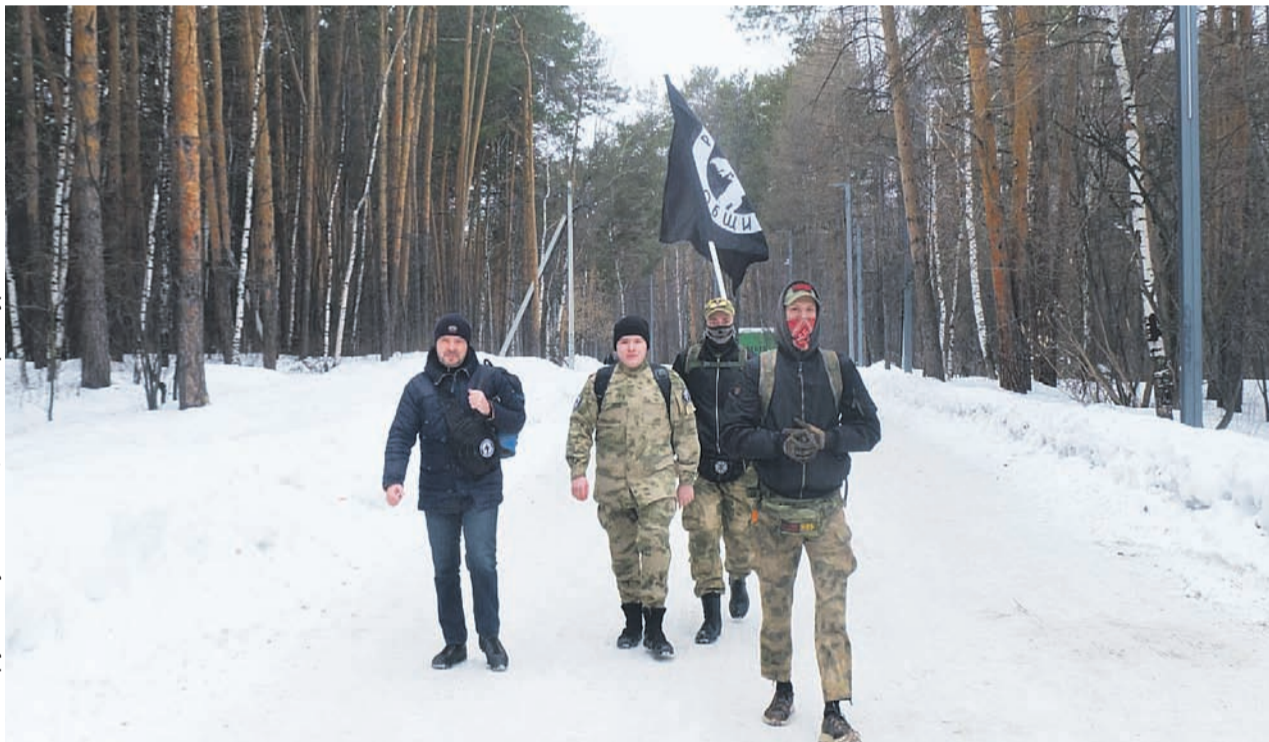
Празднование Масленицы в Шарташском парке

Депутат Госдумы Сергей Чепиков

Группа «Русская община Екатеринбург в ТГ»

«ТОЛЬКО НЕ НУЖНО НАЗЫВАТЬ НАС НАЦИСТАМИ»

Группа «Русская община Екатеринбург в ТГ»

← СТРАНИЦЫ 18-19

Чтобы стать частью «общины», необходимо выбрать свой город, внести личные данные — после чего, как заявляют админы, пользователь приложения, считающий себя русским, может рассчитывать на офлайн-помощь в своем регионе. Не важно — спустило ли колесо, сломался ли компьютер, нужно ли что-то перевезти, или возник конфликт в юридической плоскости: одно нажатие с кратким текстовым сообщением о проблеме — и на помощь тут же отправляется ГБР в составе профильных специалистов. И даже бесплатные психологи-волонтеры есть! Вот такое вот сообщество, выстроенное на идеалистических принципах взаимопомощи... На деле же приложение «Русской общины» похоже на общедомовый чат гипертрофированного масштаба.

Раздел «Работа» напоминает доску объявлений: тысячи сообщений с приглашением «общинников» (подчеркнуто русских, других тут нет) на низкоквалифицированные работы, однако есть среди них и предложения для потенциальных «партнеров в бизнесе».

Есть еще список ближайших мероприятий, преимущественно казачьего, окорелорелигиозного и православного окраса.

В разделе «Фронту» публикуются объявления о разнообразных сборах: на квадрокоптеры, машины, амуницию для отправки в зону СВО. К слову, сборы на суммы в 100, 200 и даже 400 тысяч рублей, как можно судить из публикуемых там же отчетов, закрываются в течение нескольких часов, максимум — дня.

Но вот чуть ниже — раздел «Помощь», где помимо просьб помочь с вывозом мусора порою встречаются вполне себе житейские драмы.

«Здравствуйте. Мне нужна помощь, — пишет девушка Кира. — Мой бывший сожитель оскорблял, унижал, угрожал расправой... Теперь преследует, даже была вынуждена уволиться с работы. Сегодня ходила писать заявление в полицию, заявление у меня не приняли. Он таджик, но гражданин России. Неужели в такой ситуации человек остается наедине с такой проблемой? Угроз нет в сообщениях, но он пытался выкинуть меня с балкона с пятого этажа, говорил, проломит голову монтировкой и закопает в лесу... Может быть, вы подскажете, что в таких случаях делать».

«Так и пишете, что пытался сбросить с балкона, угрожает расправой, — советует «общинник» Сергей. — Можете немного приукрасить. Угроза убийством — уже статья. В полиции, естественно, будут отбрыкиваться».

Больше никаких попыток помочь девушке Кире я в разделе не обнаружил. Скинуться деньгами на дрон, видимо, проще.

Зато я обнаружил адрес отделения «Русской общины» в Екатеринбурге и имя его координатора.

«Мы — контрреволюционеры»

Офис свердловского отделения «Русской общины» расположился в бизнес-центре «Флитц», фактически в самом центре города. Просторный кабинет на 6-м этаже, с окнами на зоопарк и офис некогда гремевшего на всю страну издания Znak.com. Там внизу, как и два года назад, бликует на солнце красно-белая вывеска закрывшегося из-за военной цензуры независимого СМИ. «Все будет хорошо» — обещает нам эта вывеска, но уже как-то ей и не верится.

Позади меня хлопнула дверь, минута рефлексии закончилась. В офис зашел среднего роста крепкий парень в спортивном костюме и непроницаемо-черных солнцезащитных очках. Я сразу понял, что это и есть Игорь Черноскутов — координатор движения в Екатеринбурге. Молодой человек не стал снимать черные очки даже в помещении. Чуть позже я разглядел синеву

гематомы, выползавшую из-под края очков.

— Что-то случилось? — аккуратно поинтересовался я у собеседника, надеясь услышать историю про какие-нибудь разборки.

— Да это пипец! Я ж в выходные к матушке ездил — у нее там алабай, мы с ним игрались — и он мне в глаз заехал. Пришлось все съемки отменять — попросил перенести на следующую неделю. Не могу же я в таком виде на камеру.

— Съемки?

— Ну да, на телевидении, должны были говорить про рабство. Но куда я теперь в таком виде, — грустно резюмировал Черноскутов и неожиданно перескочил на другую тему: — Если честно, ну вот по факту, только ты не обижайся, никто с тобой встречаться не хотел. Откуда ты вообще выплыл? Почему пришел? Мы тебя не знаем. Даже твои фотографии смотрели и не смогли определить твой психотип. Но все равно: если мы договорились, то должны встретиться.

Вот так, переборов свое недоверие, собеседник все же согласился на разговор, и, кажется, максимально откровенный. Первое, что он мне сообщил: одним из важных направлений деятельности «Общины» является противодействие врагам и предателям России, добивающимся дестабилизации ситуации в стране.

— А враги и предатели — это кто? — поинтересовался я.

— Вырусь! — бросает Игорь без ненависти, а больше с какой-то брезгливостью. Заметив мое непонимание, Черноскутов решает внести ясность: — Вырусью мы называем «иноагентов», пособников иностранных спецслужб и либералов. Это не только те, кто уехал и поливает дерьмом страну, но и те, кто, находясь здесь, среди нас, сочувствует и помогает врагу.

— И как планируете с ними бороться?

— Как планируем? Мы не планируем — мы боремся... Мы живем в правовом поле и выступаем за то, чтобы те, кто здесь остался, несли ответственность по закону Российской Федерации. Если есть люди или организации, чья деятельность направлена на разлад в стране, пропаганду нетрадиционных ценностей, — община ставит в известность правоохранительные органы, и мы не позволяем им нарушать закон.

— Были уже какие-то примеры?

— Да. Вот недавно мы отменили концерт группы «Сансара». Наши юристы как граждане написали заявление о недопустимости исполнения песен этим

артистом, выступившим с критикой СВО. Ав феврале и марте мы убрали незаконные мемориалы (*речь идет о стихийных мемориалах Навального*. — Н. Т.). В группах вирусил писали, что мы якобы устроили погромы. Но никто их не громил, никто им не мешал. Наши ребята просто следили, чтобы никто не мусорил. Мы приходили, убрали их цветы в мусор, собрали фотографии Навального...

— А чем помешали эти фотографии?
— В каком смысле чем?! Навальный — это уголовник, экстремист. На западные деньги он создал в России террористическую организацию! Все фотографии и портреты мы вывезли в гараж и там сожгли, че еще с ними делать? Нам они не нужны. А цветы выкинули в мусорку.
— Вам кажется разумным тратить время на такие акции? — завелся я. — Либеральная оппозиция — кто там? Школьники, студенты... Вся их борьба — это прийти на выборы и проголосовать, ну или постоять с плакатом.

— Да видел. Цирк уродов... Но среди них есть те, кого засылают. У них уже и поддержка, и оружие. Либералы — это отрицалово. Добываясь одного, они восстают против этого, начинают бороться с тем, чего раньше добивались, — и так по замкнутому кругу. Это дичь, — резюмировал свою позицию Игорь Черноскутов. — Мы всегда должны быть рядом, чтобы они не расслаблялись, а видели нас и понимали, что никакого переворота у них не выйдет. Ты же пойми: мы — контрреволюционеры, и наша задача сделать все, чтобы у них и мысли не было чего-то добиться и переломить ситуацию в свою пользу. А вообще, знаешь, после того, как мы повыводили портреты, нам удалось заслужить к себе нормальные отношения со стороны органов. А до этого, чтобы ты понимал, меня душили. Месяцами таскали по кабинетам, расспрашивали, кто мы и что, за что выступаем, кого поддерживаем... Мы устали объяснять всем, что мы не оппозиционеры и не экстремисты, и вся наша организация имеет одну-единственную цель — создать объединение, где люди просто смогут помогать друг другу.

— А есть понимание, чего опасались органы?

— Я думаю, все это было просто потому, что мы были как новая организация. То есть никто этими проблемами не занимался, а появились мы. И как проходит какая-то новость, что где-то нерусский че-то там натворил, — мы ее выпускаем. Всё — у них вопросы. У нас, знаешь, еще какая была проблема: то, что мы неопытные были... Ну никто из нас общественными организациями вообще никогда не занимался, мы не разбирались досконально в деталях. И вот что-то произошло, мы текст выдали: там был гражданин, условно Узбекистана, — а мы написали про Таджикистан. И все! К нам сразу вопросы... И от диаспор, и от журналистов, и от сотрудников правоохранительных органов... Понимаешь, за каждое слово цепляются! Ну потом все уладили, убрали текст... Вот ты не знал, а по нам и ЦИПС (центр информационно-психологических спецопераций СБУ. — Н. Т.) регулярно работает. Ну как каким, стоит нам провести какое-нибудь мероприятие, они нас тут же начинают отработывать, по всем своим группам, каналам и СМИ, разгоняют, что мы нацисты. Им это нужно, чтобы посеять межнациональную вражду.

«Русский мир» и «иностранные специалисты»

Сегодня в Свердловской области работают десятки спортивных залов, в которых тренируются представители «Русской общины». Исключением не стала и широко известная «Сортировка» — район, считающийся в городе мигрантским гетто.

Спортивный зал «Русь» расположен в подвале студенческого общежития железнодорожного техникума. Темное помещение с низким потолком, жаркий и влажный воздух. Выдавшие лучшие времена боксерские груши, маты и зеркала. Днем в этом подземелье борьбой и боксом занимаются дети. С 20.00 и до половины десятого тут проходят тренировки «Русской общины» по рукопашному бою. Сегодня я застаю в зале порядка 30 «общинников».

Координатор микрорайона «Сортировка» Кирилл — среднего роста улыбчивый молодой человек около 30 лет. Короткая стрижка, модная футболка с мультяшным принтом — внешне координатор напоминает артиста, и внешность не обманывает: на досуге Кирилл — музыкант, читает рэп. Ну а так занимается интернет-маркетингом.

— Основной постулат общины — это взаимопомощь, — говорит он, рассуждая о том, что привлекло его в «Русскую общину». — Это то, чего нашему обществу все время не хватало. Вот эти все основные принципы общины — они важны для нашего менталитета. Потому что ту парадигму, которая у нас сейчас есть, нужно менять. До всех событий люди привыкли жить вот так разрозненно, атомизированно. Повсюду культиви-

не против приезжих, мы за то, чтобы они уважали наши традиции и культуру и правильно вели себя в стране, которая их принимает.

Я хотел задать Кириллу вопрос про то, как соотносится с его словами тот январский рейд на стройку, в ходе которого его «сообщинники» унижали приезжих из Кыргызстана, но вдруг один из участников тренировки, схватившись за телефон, быстрым шагом отошел в дальний угол спортзала, о чем-то поговорил там несколько секунд и прокричал:

— Парни, собираемся, выезжаем!
— Что, движ какой-то? — одергивая штанину на колено с вытатуированным на нем коловратом, поинтересовался высокий молодой человек. В его глазах сверкнула искорка энтузиазма.

— Пока непонятно... Рации у кого с собой?

— А куда едем? — спросил невысокий мужчина в кепке.

— По ходу сообщат, — коротко парировал мужчина.

В подвале началась суматоха, всего за считанные минуты вся группа переместилась наверх. По два-три человека бойцы начали рассаживаться по люксовым и не совсем авто.

Я также заскочил пассажиром в одну из машин.

Никита ТЕЛИЖЕНКО

ровался менталитет «человек человеку волк». И вот сейчас тот самый момент, когда все нужно сделать по максимуму. Начиная с себя и с семьи. То есть если сейчас, грубо говоря, ну семьи не будут рожать по три, а желательнее еще больше детей, то нас ну просто не станет! Это прозвучит страшно, но ребята, которые «иностранные специалисты», — они отлично размножаются.

— Скажи, пожалуйста, а сколько у тебя самого детей?

Кирилл немного потупился. Видно, что этот вопрос был для молодого человека неудобен.

— Пока что нисколько, но женюсь и буду.

— А как ты сам относишься к мигрантам?

— Я ко всем нормально отношусь, если человек нормальный. И речи нет, чтобы его как-нибудь притеснять. Главное, чтобы и он уважал наши правила и законы. Как таковой неприязни к «иностранным специалистам» у меня нет. Русский — это не национальность, это самоощущение. Если человек, не важно, какой национальности, говорит, ощущает себя и мыслит по-русски, уважает наши ценности — то для меня он русский. Только не нужно сравнивать или называть нас нацистами, это некорректно. Если к нам приходят люди радикальных взглядов, мы стараемся их перевоспитать. Объяснить, что мы

когда в цыганский поселок приезжали... Для поддержки.

— А куда мы едем сейчас?
— Слушай, я сам не знаю. Пришел вызов: «общий сбор, локация на карте». А что там и как — никто не говорит. И по телефону парням звоню — не отвечают. Поэтому пока ждем, что старшие скажут.

— А старшие — это кто?

— Ну вон Кирилл, с кем ты разговаривал, Владимир, тот, что с телефоном. Нет, ну вообще по уму нужен штурман, чтобы карту смотрел и говорил, куда ехать. Я в той промзоне плохо ориентируюсь.

— Промзона?
— Ну куда мы должны ехать, там склады. Видимо, какая-то проблема образовалась, раз подняли всех.

Спустя без малого десять минут головная машина пришла в движение, следом потянулись остальные...

— И как давно вы в общине?

— С декабря или с ноября. Пришел, потому что уже сил нет терпеть. Обидно, что это происходит со страной... Приезжие безнаказанно себя ведут — и никто ничего ни с ними, ни с тем, чем они занимаются, не делает.

— А чем они занимаются?

— Как чем? Бандитизмом, наркотой, причем совершенно безнаказанно. У меня мой родной брат очень плотно на этом деле сидит. Так что для меня это личное.

— И почему, на ваш взгляд, власти не принимают мер?

— А где силы взять? Куча парней на фронте, в полицию и раньше-то особо не шли, а сейчас и подавно. Не хватает ни людей, ни ресурсов. Вот возьмем «Сортировку»: по сути, это целый город, здесь несколько десятков или сотен тысяч живет. А машин полицейских, знаешь, сколько? Четыре экипажа! Всего! Вот они и чувствуют себя как дома.

Добраться до места назначения со всеми остановками и блужданиями по складским перулочкам удалось лишь спустя полчаса. Мрачная ночная промзона на окраине Екатеринбурга, контейнеры, фуры, подвозные пути железной дороги... К нашему приезду крепкие парни в спортивных костюмах уже заканчивали разговор с южанами с овощебазы. Трое «иностранных специалистов» спешно удалялись в сторону грузовиков, озираясь на приехавшую ГБР, еще четверо с поникшим взглядом смотрели куда-то себе под ноги.

Мы даже не выходили из машин. Постояли еще минут 15 и разехались.

Мне почему-то вспомнились 90-е, какими я их запомнил. Годы, когда ковалась нынешняя экономическая и политическая элита страны, ну а на «Сортировке» — новый класс собственников овощебаз. Только тогда у участников разборок не было приложения в AppStore и GooglePlay. Да и мочили друг друга без патриотического соуса, внутренних врагов еще не искали.

Враг не дремлет

Вскоре после того ночного выезда ГБР случилась трагедия в «Крокусе». Я еще раз созвонился с Игорем Черноскутовым. По словам координатора екатеринбургского отделения «Русской общины», после теракта в Москве в «Русскую общину» пришло 3000 новых членов. Общая численность всероссийской организации выросла на 80 тысяч человек, и поток сторонников по-прежнему не ослабевает.

Андрей Ткачук — координатор федеральной «Русской общины», обозреватель телеканала «Спас», экс-спикер омского горсовета — призвал российских мужчин получать лицензии на оружие и вступать в организацию. «Внутренний враг не дремлет, с каждым днем у нас остается все меньше времени», — заявил он.

Никита ТЕЛИЖЕНКО,
Екатеринбург

П

МЭФ всегда был не столько форумом — то есть местом для обмена мнениями, сколько выставкой достижений российского капиталистического хозяйства и его приоритетов. Получались такие выставки по-разному. Было время, на форум приезжали федеральный канцлер Германии и председатель КНР, в этом году хедлайнерами были президенты Боливии и Зимбабве.

Но вот участники «российского экономического блока» не меняются десятилетиями. Это те же самые люди, которые сначала строили «открытую экономику», ориентируясь на Запад, а теперь «структурно трансформируют» ее, разворачивая страну на Восток и на Юг.

Насколько можно верить словам этих людей. Можно. Но только если внимательно искать в их речах пропущенные слова.

Пропущенное слово

Выступая на сессии ПМЭФ-2024 «Российская экономика: как обеспечить достижение национальных целей», глава ЦБ РФ Эльвира Набиуллина назвала «три задачи» для экономики России до 2030 года.

«Номер один — это развитие рынка капитала, потому что я убеждена, что без развития рынка капитала у нас только одна альтернатива — это увеличение роли государства, субсидий государственных и так далее. А мы все знаем, что государство при том, что у него есть свой функционал, скажем так, менее чутко к отбору эффективных проектов, и здесь нам нужны действенные меры для роста ИРО», — заявила Набиуллина.

Вторая задача, по мнению главы ЦБ РФ, — это обеспечение открытости российской экономики, работающая система расчетов платежей, в том числе через БРИКС и ЕвразЭС. Это означает независимую систему расчетов, платежей, сопряженность депозитарных систем РФ, взаимное признание рейтингов, аудиторских заключений, страховых полисов.

Третья задача — удержание лидерства в технологическом развитии финансовой сферы, заявила она. «Это очень важно, это будет сложно делать в условиях, когда мы не можем опираться на чужие решения, это должны быть свои решения, но это безусловная задача», — указала Эльвира Набиуллина.

Чем замечательны эти «три задачи»? А тем, что если не знать, на каком именно форуме это было сказано, то и не обращать внимания на них не стоило бы. «Соблазн управлять структурной перестройкой экономики может привести к тому, что мы подавим частную инициативу, уже не говорю о риске, в крайнем случае, реставрации плановой экономики», — цитата из Эльвиры Набиуллиной, только с прошлогоднего форума.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗАПАСАЮТСЯ ТОВАРАМИ В КРЕДИТ, — ВСЕ ПРАВИЛЬНО ДЕЛАЮТ. НО ОБ ЭТОМ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ГОВОРИТ

Это примерно то же самое — смотри выше — «без развития рынка капитала у нас только одна альтернатива — это увеличение роли государства, субсидий государственных и так далее. А мы все знаем, что государство при том, ..., скажем так, менее чутко к отбору эффективных проектов...»

Можно пойти еще глубже во времени, но поверьте на слово: примерно десять лет подряд глава финансового регулятора говорит на форуме примерно одно и то же, только в разных выражениях.

Евгений ПАВЛЕНКО / Коммерсантъ

ФИГУРЫ С УМОЛЧАНИЕМ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОКАЗАЛСЯ ИНТЕРЕСЕН НЕ ТЕМ, ЧТО НА НЕМ ГОВОРИЛОСЬ, А ТЕМ, О ЧЕМ ПРОМОЛЧАЛИ

А вот знаете, какого слова в ее речах нет? Не было на этом форуме, да и на других тоже не было.

Это слово «автаркия», которым жонглируют обозреватели, альтернативные экономисты и завсегдадаи телешоу. Никакой «автаркичной экономики» (т.е. экономики, которая самодостаточно производит все для себя сама) официальные руководители РФ-экономики нам не предлагают.

Единственное, что меняется с точки зрения установок власти, — это то, с кем торговать и с кем интегрироваться. Раньше была «условная Германия», а теперь «условное Зимбабве» — ну, значит, будет Зимбабве.

Но идея автаркии остается вообще вне практического поля. РФ-экономика как была настроена на экспорт ресурсов (нефти и газа в первую очередь) и импорт товаров в обмен, так и настроена.

Да, нечто можно попробовать начать производить и в РФ (и это нечто даже производится), но размеры этого «нечто» тако-

Силуанов, министр экономики Максим Решетников и замглавы администрации президента Максим Орешкин, беседуя с Андреем Макаровым, руководителем Комитета по бюджету и налогам ГД РФ, объясняли причины роста налогов.

Дело в том, что год назад те же самые люди на том же самом месте рассуждали, что повышение налогов — это не ок. Сам Силуанов объяснял, что за увеличение дефицита бюджета в любом случае заплатят население и бизнес: либо за счет повышения инфляции и роста ставок, либо за счет повышения налогов.

А теперь — на ПМЭФ-2024 — те же самые люди (теми же самыми словами) объясняли, что повышение налогов — это ок, и лучшего и придумать невозможно. Единственным исключением оказалась Эльвира Набиуллина, сообщившая, что своего мнения по поводу налогов не изменила.

Сделать ли вывод, что поскольку министры-капиталисты сегодня говорят одно, а завтра — противоположное, то верить им нельзя?

Не совсем, в данном случае я заступлюсь за правительство.

Думаю, дело в том, что год назад начальники по экономике действительно рассчитывали не повышать налоги, а брать в долг, тем более что дефицит бюджета не критичен и его вполне можно было бы «закрыть» займами. У РФ вообще очень низкий госдолг — на конец 2023 года он составлял 17,7% ВВП.

Но что-то пошло не так.

Экономика ведет себя не так, как власти ожидали год назад, и в своей способности управлять и дефицитом бюджета, и государственным долгом министры не уверены. Поэтому налоги — вместо займов.

Что в экономике «идет не так», как могло бы ожидать правительство?

Во-первых, люди берут кредиты как не в себя, финансовый регулятор повышает ставку, а люди все равно берут в долг так, как будто не собираются эти долги возвращать.

Во-вторых, люди потребляют, но не инвестируют. На ПМЭФ-2024 Андрей

Макаров говорил, что в 2023 году на депозитах в российских банках скопилось 44,9 трлн рублей, и «...если люди поверят, если бизнес поверит... Простите, это три бюджета. Вот если они поверят и понесут эти деньги, мы не будем обсуждать, где брать инвестиции».

Хорошая попытка, но нет на потребительском рынке опережающего роста предложения (который мы видели бы, если бы там были инвестиции), зато есть рост спроса и инфляция.

Кстати, рост потребления сейчас — это оборотная сторона «недопотребления» в 2014–2021 гг.

В долларовом выражении весной 2013 года средняя зарплата была \$930, а потом, с 2015 по 2022 год, средняя «весенняя» зарплата была порядка \$650, сейчас она составляет порядка \$960, и это все в номинальных долларах, без учета собственно долларовой инфляции. Зарплаты в лучшем случае возвращаются на уровень начала 2010-х.

Если в следующем году рост зарплат встанет, то и потребление встанет, зачем тогда затеваться с инвестициями?

Да, и третье. И главное — фундамент, опираясь на который РФ-правительство проводит свою политику, — это положительное сальдо торгового баланса. Излишек валюты. РФ вывозит больше, чем ввозит. Но в 2023 году импорт практически вернулся к показателям 2021 года, а вот экспорт в сравнении с 2021-м сократился.

Сейчас правительство очень не хочет роста импорта, в первую очередь потребительского, но даже если им удастся его удержать — доходы от экспорта будут сокращаться.

И если через полтора года сальдо внешней торговли РФ выйдет в ноль, то правительству придется решать: либо «потребительская витрина», либо «рост выпуска в обрабатывающей промышленности».

Если цены на нефть будут ниже — ну значит, и процесс пойдет быстрее.

Так что люди, которые запасаются товарами в кредит, — все правильно делают. Но об этом правительство не говорит.

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ

КРАСНОПЛОЩАДНАЯ

ЛЕКСИКА

С 6 ПО 9 ИЮНЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ПРОХОДИЛА ЮБИЛЕЙНАЯ КНИЖНАЯ ЯРМАРКА. РЕПОРТАЖ О ТОМ, КАКИМ ЗАКОНОМ ГРАММАТИКИ ОНА ПОДЧИНЯЛАСЬ

Наверное, никогда еще книжный фестиваль на Красной площади не соответствовал месту своего проведения настолько полно, как в этот раз. Даже с учетом того, как изменился его тон, стиль и состав за последние два года, даже при условии, что участники и раньше не чувствовали себя под стенами Кремля особенно свободно, — даже при всем этом фестиваль, по-моему, еще никогда не был настолько красноплощадным.

Впрочем, ничего удивительного — в этот раз нужно было многое отпраздновать: и 225-летие Пушкина, и юбилей самой ярмарки (10 лет), и объявленный президентом Год семьи — и одновременно год лейтенантской прозы (в честь столетия Владимира Богомолова, Юрия Бондарева, Василя Быкова и Бориса Васильева). Сложно было представить, как можно отпраздновать столько противоположных друг другу праздников сразу, — но «Красная площадь» смогла, и коктейль получился мощнее молотовского.

Все началось, конечно же, с гимна — с пушкинского стихотворения «Клеветникам России», которое зачитал на церемонии открытия Сергей Степашин. В целом больше о главном настроении ярмарки можно было бы ничего и не говорить — это выступление стало и камертоном, и кратким содержанием последующих четырех дней.

Имя Пушкина из уст выступающих больше не сходило: в одном конце площади объясняли, почему он является лицом «русского мира», в другом конце читали стихи «молодые Пушкины» (участники одноименного фестиваля из Москвы и Донбасса), где-то посередине — в шатрах детской литературы — проводили конкурс «Сделай Пушкину прическу». Чуть в стороне Сергей Миронов, рассказывая про литературную премию, которую организовала «Справедливая Россия», уверял, что если бы Пушкин был сейчас жив — он бы обязательно всех этих «иноагентов» и врагов родины «припечатал». А вышедший *urbi et orbi* в почти полном составе «Союз 24», решив раз и навсегда утвердить перечень традиционных ценностей, назвал Пушкина первой из них.

Список ценностей, построенный по принципу грамматики Смирновского («Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна»), вообще оказался очень интересным и показательным. Александру Сергеевичу пришлось делить его с Толстым, Достоевским, Чайковским, Иваном III, Грозным,

Петром I, Екатериной (номер не уточнялся), Сталиным, Александром Невским, Суворовым, Кутузовым, Жуковым и далее в той же логике и в том же порядке. Главными событиями российской истории оказались принятие православия, объединение Руси, становление империи (период не уточнялся) — а главное, «победа над объединенной Европой Наполеона» и «победа над объединенной Европой Гитлера». Ну и, конечно, радио — Попов, телевизор — Звoryкин. Смерть за царя неизбежна.

Отраслевой отчет Минцифры на конференции деловой программы тоже не вселил оптимизма — как не вселяют его отраслевые доклады на каждой из проходящих ярмарок в последние два года. По данным Российской книжной палаты, общий тираж книг и брошюр в 2023 году упал на 14,6% по сравнению с 2022 г., а по отношению к доковидным временам — на

ИЗ ЭТОГО, ВИДИМО, И СОСТОИТ САМА РОССИЯ — ИЗ ДВУХ НЕРАВНОЗНАЧНЫХ ЧАСТЕЙ, ОДНА ИЗ КОТОРЫХ УМЕЕТ ТОЛЬКО ВЫТАЛКИВАТЬ И ЗАВОЕВЫВАТЬ, А ВТОРАЯ — СОЗДАВАТЬ И ОЖИВЛЯТЬ, НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО

все 23%. Число наименований книг тоже резко сократилось — как и объемы отпечатанной продукции, и число переводных изданий, и количество отпечатанной литературы в каждом из сегментов (единственным сегментом, в котором тиражи выше, чем в доковидные времена, осталась художественная литература).

И над всей этой безудержной книжной радостью все четыре дня, разумеется, звучали голоса, читающие стихи о героях СВО и анализирующие «Путь Путина». В общем — ярмарка сделала наглядной ту картину современной литературной жизни, к которой в целом все за два года уже привыкли.

И тем не менее — даже среди всего этого безудержного книжного веселья — то там, то тут прорывались совсем другие голоса и совсем другие темы. Главными из них, конечно, были голоса Нацлитфеста — фестиваля национальных литератур, который ежегодно проходит в рамках «Красной площади». Пока большинство шатров

жужжало о том, что «Война и мир» — это роман о наших сегодняшних отношениях с НАТО, участники Нацлитфеста решали вопросы куда более интересные. Языковые активисты из Осетии, Чувашии и Якутии обсуждали сохранение языкового разнообразия малых народов: оказывается, спрос на языки малых наций огромен,

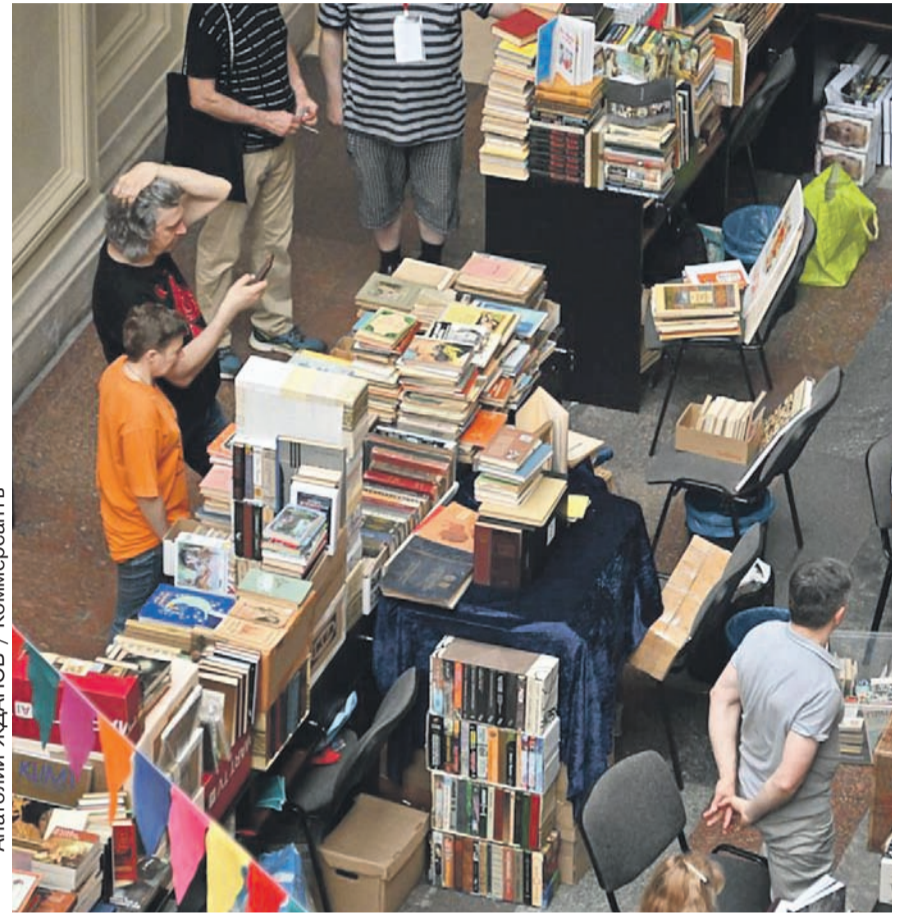
который пообещали выпустить к осени. Здесь обсуждали, как изменится статус писателя в цифровом мире — и как вместо автора-небожителя появляется человек, до которого можно дотянуться в два клика.

И здесь же, например, презентовали сборник комиксов «Тобольск. Чувство жизни» — книгу с долгой историей рождения, которая показывает, как через графику передать характер конкретного региона и как сделать так, чтобы этот регион из безвестной серой провинции стал ярким и живым объектом искусства.

Иначе говоря, ярмарка «Красная площадь», традиционно собирающая в себе всю литературную Россию, в очередной раз стала макетом страны в миниатюре. С одной стороны — заполняющий все пространство, заглушающий все официоз, стихи, исполняемые тоном пьяного сантехника и заевшая пластинка с «Клеветниками России». С другой — живые люди, задающие себе и окружающим живые и по-настоящему интересные их вопросы о том, как сделать свою культуру популярнее и богаче.

Из этого, видимо, и состоит сама Россия — из двух неравнозначных частей, одна из которых умеет только выталкивать и завоевывать, а вторая — создавать и оживлять, несмотря ни на что. В конце концов, ведь и сам Пушкин, под именем которого прошли все эти четыре юбилейных дня, который мог написать и «Клеветников», и «Во глубине сибирских руд», который, по свидетельству Керн, «был очень неровен в обращении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен», — и Пушкин был сложен из двух полюсов, которые вечно друг с другом спорили.

Так что правила сегодняшней русской литературы, как напомнила очередная ярмарка на «Красной площади», просты: радио — Попов, Сталин — наше все, Пушкин — неизбежен. И ничего с этой красноплощадной грамматикой не сделаешь.

Анатолий ЖДАНОВ / Коммерсантъ

И над всей этой безудержной книжной радостью все четыре дня, разумеется, звучали голоса, читающие стихи о героях СВО

Шумиха, полигон по захоронению буровых отходов

Фото автора

НЕ УМОЛКАЕТ ШУМИХА ВОКРУГ «РОСАТОМА»

**КАК «САМЫЙ БЕЗОПАСНЫЙ МЕТОД» ДОБЫЧИ УРАНА
УБИВАЕТ ЛЮДЕЙ В ЗАУРАЛЬЕ И КАК ОНИ ЭТОМУ УБИЙСТВУ
СОПРОТИВЛЯЮТСЯ**

Поезд Курган — Екатеринбург. В плацкартном вагоне на боковых местах едут девочка лет шести и мальчик помладше на вид. «Это у тебя простуда была, — важно говорит девочка. — А у меня — рак! Рак — это когда всегда спать хочется».

В 2020 году в эфире курганского телевидения главврач детской областной больницы Наталья Максимова рассказала об «увеличении количества госпитализаций со злокачественными новообразованиями на 26%». Педиатр говорила, конечно, о детях. Ведущая переспросила. «Ну у нас вообще какая-то зона такая и по взрослым, — ответила доктор. — В основном к нам поступают дети с онкозаболеваниями из зоны Далматова... С чем связано? Не могу сказать. Очень много — рак щитовидной железы». Вскоре этот фрагмент эфира пропал с сайта телеканала, но его успели сохранить местные активисты.

А в апреле 2024 года, во время печально знаменитых паводков, под Курганом затопило урановое месторождение. Их здесь три, добычу ведет компания «Далур» — «дочка» Госкорпорации «Росатом». Местные активисты предполагают, что уран могло смыть в Тобол, и теперь питьевая вода — якобы источник радиации. И люди вдруг вспомнили, что живут на урановых полях. «Новая» побывала там с дозиметром и спектрометром.

К 9 мая из Кургана отступила вода, а на улицах сияла праздничная иллюминация. Гирлянды висели на деревьях и уличных столбах с Нового года, теперь оставалось их только включить. От этого город был похож на дом, в котором хозяйева круглый год не убирают елку.

Курганская область очень богата полезными ископаемыми, об этом с гордостью сообщает официальный сайт губернатора, перечисляя 23 вида, в том числе драгоценные скандий, вольфрам, рений и уран. Ученые говорят о перспективах

добычи редчайших иридия, рутения и осмия, который дороже платины. Кроме того, в регионе богатейшие земли, две трети пахотных угодий — это чернозем. При этом Курганская область — одна из самых бедных в стране. Водопровод есть дома у 60% населения. Из всех регионов, где ведется добыча полезных ископаемых, здесь самые низкие зарплаты во всех отраслях. Даже в сельском хозяйстве. Даже в сфере добычи урановых руд, хотя на Курганскую область приходится 1/5 всех запасов урана в стране.

Показатель, по которому регион год за годом лидирует, — это заболеваемость раком. В 2023 году Курганская область заняла первое место в РФ по уровню смертности от рака. Такие же новости публиковала уральская пресса и в прошлые годы. Местные активисты-экологи пытались добиться от властей, чтобы этот «феномен» как-то был исследован, чтобы кто-то поискал здесь причинно-следственную связь.

— Мы подавали в суд, — рассказывает один из активистов Габдулла Исакаев. — Пытались добиться, чтобы правительство области провело аналитическую работу, чтобы изучить все факторы, влияющие на смертность от рака. Но это почему-то никого не заинтересовало, суд мы проиграли. Нам только привели статистику, в каком районе какая заболеваемость, и предоставили информацию: власти пригласили неких специалистов из Москвы, которые якобы разрабатывают проект улучшения экологической ситуации.

Далматово, о котором говорила по телевидению доктор Максимова, — поселок, рядом находится одно из трех в области месторождений радиоактивного урана. Именно там, а еще в соседнем Шадринском районе заболеваемость раком выросла на 26%. Второе месторождение «Росатом» разрабатывает рядом с поселком Шумиха. Третье, возле села Звериноголовского, оставалось неохваченным до 2016 года.

Есть много страшных историй об урановых рудниках. В Курганской обла-

Фото автора

Далматовский район. Контра «Далура»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

сти уран добывают без рудников и шахт, методом подземного выщелачивания. Сами добытчики характеризуют его как абсолютно безопасный: солевой раствор, в котором растворен уран, выкачивают из скважин по невероятно качественным пластиковым трубам, не трубы — огурчики. И все это так герметично, что ни один радионуклид не просочится в среду обитания местных жителей. Уран — ценнейшее сырье, ни капли не должно пропасть. И даже, добавляя в «Росатоме», полезный, можно сказать, метод, потому что в итоге под землей останется меньше урана. Правда, Минприроды в 2022 году внесло Курганскую область в перечень регионов, где высокая заболеваемость обусловлена «неудовлетворительным качеством питьевой воды».

Физики готовы спорить с тезисом о безопасности подземного выщелачивания, но что они признают — это самый дешевый метод.

— Бурят тысячи скважин, — объясняет курганский активист Алексей Шварц, молодой физик. — В одни скважины заливают серную кислоту, через другие выкачивают раствор с ураном и гонят его в так называемый бассейн. Дальше этот раствор окисляют нитритом натрия. И выпадает осадок — желтый порошок, это и есть уран. Его отправляют на обогатительные предприятия, потом все это идет на завод по производству ядерного топлива в Подмосковье.

Другой активист, лидер курганских коммунистов Сергей Еремин, в целом согласен с тем, что такая добыча, как описывают в «Росатоме», могла бы считаться безопасной. В теории. Геология здесь такая, что уран залегает на глубине 400–500 метров, между ним и поверхностью земли — непроницаемые слои глины. И пока не идет добыча, то есть пока никто эту «подушку безопасности» не потревожит, уран под землей безопасен для тех, кто на земле. Но тысячи скважин превращают эту «подушку» в решето. А вдруг, беспокоятся местные жители, случится какой форс-мажор? Вдруг он уже случается, а от народа скрывают?

И вот в апреле 2024 года случилось то, чего точно не скроешь: урановые поля в селе Звериноголовском Курганской области затопил вышедший из берегов Тобол. Умолчать о наводнении было невозможно, поэтому риторика представителей «Росатома» поменялась. Да, говорили они, затопило. Но только чьи-то старые и давно закупоренные скважины, а никак не наши.

«Торчит труба посреди поля, из нее вода «урановая» сочится»

Машину пришлось оставить у въезда на мост через Тобол, дальше дорогу преграждали ржавый полицейский уазик с «телефоном доверия» на боку, знак «кирпич», а для особо упрямых — бетонные блоки. Когда все это здесь устанавливали, вода доходила почти до ограждений моста. Тех, кому надо было из Звериноголовского ехать в село Труд и Знание, возила лодка. Теперь вода отошла, лодка садится на мель, поэтому добираться надо на своих двоих. Где-то по подсохшему асфальту, а где-то по колену в воде.

Полчаса идем. Открывается асфальт, сильно побитый во время наводнения. По мусору, висящему на кустах вдоль дороги, видно, что недавно здесь вода стояла выше метра на два. Дорога проходит через бор, там сухо, потом снова стоит вода. Где-то в этой воде — сотни скважин, но вышедший из берегов Тобол к ним не подпускает.

Меня ведет сельский учитель Николай Владимирович Афанасьев, по образованию он химик. В селе Звериноголовском, или, как говорят местные, в Зверинке, он учит детей. После уроков ходит на собрания компартии, по субботам — в церковь адвентистов седьмого дня, а в остальное время пытается объяснить односельчанам и властям, почему в Зверинке нельзя добывать уран.

— Смотри, вон поле большое, вдали озеро, посредине островок камышей, — показывает рукой Николай Владимирович. — Подходишь туда, а там торчит труба старая посреди громадного пшеничного поля, из нее вода «урановая» сочится.

Фото автора

Николай Афанасьев показывает затопленные скважины

Это он описывает месторождение под названием «Добровольное» в Звериноголовском районе. Оно считается самым богатым в Курганской области, запасы урана оцениваются в 14 тысяч тонн. Разрабатывать его начали еще в 1980-х, а в 1990-х разработки прекратили, скважины рещили законсервировать.

— В середине 1980-х у нас стали бурить геологоразведочные скважины, — рассказывает Афанасьев. — Лет десять бурили, пробурили 567 скважин, занималась этим казахская геологоразведочная партия. Потом СССР развалился, возникла патовая ситуация: Казахстан — другая страна, с ней договора нет, казахи хотят передать месторождение, а им не платят. Ну они пробурили еще скважин, закачали в них серную кислоту, откачали, отвезли раствор в Челябинск, получили деньги там. Видимо, им понравилось, аппетит приходит во время еды, они захотели пробурить еще пять скважин, но их прогнали, а скважины законсервировали.

В «Росатоме» теперь уверяют, что скважины в 1990-х законсервировали из-за нехватки денег. На самом деле, поступить

так пришлось «в связи со сложностями подземного выщелачивания» в этом месте. Еще советские геологи дали заключение: «Добровольное» отличается тем, что здесь воды под землей высоконапорные, высота «уранового» фонтана, который будет бить из скважины, может достигать 40 метров. Однажды такое ЧП произошло во время разведки.

Законсервировали скважины — это значит, что их затампонируют бетоном, а на торчащие из земли трубы прикрутили заглушки. Насколько старательно делали это 30 лет назад, что стало с бетоном с тех пор, теперь не поймешь.

— Теперь и не найдешь, где были многие скважины, поля распаханы, там пустырь, скот пасется и радиоактивные травы ест, — говорит Сергей Еремин. — А трубы, которые раньше из земли торчали, местные жители попиливали и утащили. Кто в огород, кто в металллом.

Николай Афанасьев возражает: не таскали местные ничего. Это геологи трубы раскручивали и продавали, у них и

Чрезвычайные — раз в сто лет. Но то — природные, а есть еще «рукотворные», которые предсказать нельзя. Выше по течению стоят несколько плотин и огромное водохранилище, когда там создают запас воды, переполнение может разрушить плотину, тогда они начинают сброс воды. В этот раз наводнение таким и было: они там сделали залповый сброс.

Хлызов достает свои доказательства: апрельский номер газеты «Звериноголовские вести», там приведены данные об уровне воды в Тоболе.

— Вот: 1 апреля 16 сантиметров воды за сутки добавилось, — читает он таблицу. — Дальше 70, 26... Потом бах — полтора метра 9 апреля. Бах — и сразу почти три метра 10 апреля. Это залповый сброс был. Меня тогда из больницы выписали, жена в Кургане была, а в Зверинке машины ходили — принудительное выселение шло.

В новейшей истории «Росатома», вопреки увещаниям экологов и под собственные разъяснения о безопасности метода, разрабатывал под Курганом два месторождения — в Далматовском районе и в Шумихинском. Но в корпорации не забывали, какое добро пропадает под землей еще и в Зверинке. Наконец, там решили реанимировать добычу, и «Далур» начал бурить новые скважины на «Добровольном». Когда в апреле 2024-го случилось наводнение, в Зверинке гадали: затопило старые скважины, неизвестно как законсервированные, или новые — свежепробуренные.

«Это страшнее Чернобыля будет»

Госкорпорация «Росатом» появилась по указу президента Путина в 2007 году, под ее крыло перешли все предприятия атомной отрасли, гражданские и оружейные, в том числе «горнорудный дивизион» — добывающий холдинг «Атомредметзолото» (АРМЗ). Компания «Далур», учрежденная за 6 лет до того для добычи урана в Курганской области, тоже вошла в холдинг. Как и «Русбурмаш», который бурит скважины.

— «Росатом» — монополист, — рассказывает Алексей Шварц. — Никто не может заниматься ничем связанным с радиацией, не имея на это лицензию от «Росатома» и не входя в группу «Росатома». «Росатом» — сам себе надзорный орган. Дозиметры выпускает «Росатом». Господдержку дает «Росатом». Если вы наберете жидкость для анализа, то придете в лабораторию только «Росатома». Эта компания теоретически имеет свою армию. Войска радиационной, химической и биологической защиты фактически подчиняются «Росатому». Эта организация имеет своих агентов, пиарщиков, своих телеканалы, своих пропагандистов, своих ученых, своих военных, даже свой ОМОН.

В декабре 2016 года премьер-министр Дмитрий Медведев подписал распоряжение, объявив аукцион «на право пользования участком недр федерального значения «Добровольное», расположенным на территории Курганской области, для разведки и добычи урана». Как будто не было никогда заключения советских ученых о высоконапорных водах и о пойме Тобола.

Победила на аукционе — вы удивитесь — росатомовская компания «Далур». Участок земли, который ей достался, изначально оценивался в 960 миллионов рублей, предполагалось, что вместе с ураном там можно попутно извлекать редкоземельные металлы. Потом как-то получилось, что редкоземельные «исчезли», и участок достался «Далуру» в 11 раз дешевле — за 86 миллионов. Сейчас компания открытым текстом на собственном сайте сообщает, что, помимо урана, «освоила производство скандия», более того — «является единственным в России добывающим скандий предприятием».

Продолжение репортажа
Ирины ТУМАКОВОЙ —
СТРАНИЦЫ 26–27 ➔

МЕСТНЫЕ АКТИВИСТЫ ПРЕДПОЛАГАЮТ, ЧТО УРАН МОГЛО СМЫТЬ В ТОБОЛ, И ТЕПЕРЬ ПИТЬЕВАЯ ВОДА — ЯКОБЫ ИСТОЧНИК РАДИАЦИИ. И ЛЮДИ ВДУРГ ВСПОМНИЛИ, ЧТО ЖИВУТ НА УРАНОВЫХ ПОЛЯХ

оборудование для этого было. Кто именно крал — неизвестно, но большую часть мест, где были пробурены скважины, в Зверинке действительно просто так не найдешь, дыры в земле давно поросли травой. Однако к тем скважинам, где уцелели торчащие трубы, местные активисты приезжали с дозиметром.

— Летом-то там не увидишь, сочится вода или нет, а зимой она замерзает, все видно, — рассказывает Сергей Еремин. — Еще в 1994 году там измеряли фон, было 0,08 микрозиверта в час. Это, конечно, мало. Потом мы еще раз приехали измерять — уже было 0,13. Это тоже мало, но уже тогда это показывало, что фон растет, а значит, уран из-под земли сочится. Воды-то под напором. И это заранее было известно, в совхозе в соседнем поселке жил экономист, которому еще в 1980-х поручали рассчитать затраты на расселение местных жителей. После 2016 года мы разными приборами мерили — было 0,61 микрозиверта в час.

Кроме высоконапорных грунтовых вод, еще одной причиной, по которой добычу на «Добровольном» признали опасной для людей и природы, было то, что месторождение находится в пойме Тобола. В других странах, где тоже практиковали добычу урана методом подземного выщелачивания, запрещено делать это в поймах рек. Любой паводок — и есть риск, что радионуклиды попадут в реку, а в этом регионе Тобол — главный источник питьевой воды. Причем паводки разных масштабов здесь случаются регулярно. Звериноголовский инженер Михаил Хлызов даже рассчитал математическую модель, по которой можно предсказывать крупные наводнения.

— Наводнения у нас бывают в среднем раз в 8–10 лет, — показывает он графики. —

Фото автора

НЕ УМОЛКАЕТ ШУМИЖА ВОКРУГ «РОСАТОМА»

← СТРАНИЦЫ 24-25

Но людям в Звериноголовском районе было не до скандия и не до стоимости участка, их интересовало собственное здоровье. Кто-то еще помнил, почему была заморожена добыча в 1990-х. На общественном обсуждении житель Зверинки спросил у представителей «Далура», что будет со старыми скважинами. Может быть, раз уж компания собралась извлекать ценное сырье совершенно безопасным методом, она для начала убедится, что предшественники не оставили «сюрпризов»?

«По поводу старых скважин: они были оформлены все в 1990-х годах, эти все скважины ликвидированы, делать с ними нечего, их не существует», — ответил представитель «Далура» Анатолий Ладейщиков. «Скважин, будем считать, не существует, и того, что через них сочится, тоже не существует», — отреагировал местный житель.

Следующий кадр видео — инженер-физик Андрей Ожаровский, приехавший на слушания из Москвы, показывает «несуществующую» законсервированную скважину. Приборы зафиксировали радиационный фон в 0,5 микрозиверта в час. Это, во-первых, означало, что замурованная скважина негерметична, а во-вторых, это напоминало, что подземные воды в этом месте высоконапорные, то есть постоянно стремятся «найти дырочку».

0,5 микрозиверта в час — это немного, если просто гулять рядом, а потом еще и помыть сапоги. Но это очень плохо, если радионуклиды попадут, скажем, в питьевую воду. Когда в 2016 году выяснилось, что добычу в Зверинке хотят возобновить, выступил эколог Алексей Таранов, профессор Курганского госуниверситета, председатель общественного совета при

департаменте природных ресурсов области (на тот момент): «Мы уничтожим Тобол и все водоемы, находящиеся в пойме, даже если все пойдет в штатном режиме без аварий», — сказал он. — Вся вода, которая течет в Тобол, будет проходить через водоносный горизонт, вымывать радиоактивные и токсичные соединения, и все это будет попадать в воду, колодцы. Это страшнее Чернобыля будет. Сам диоксид урана, который добывают, не так страшен. Но попутно выделяется радий — стойкий радиоактивный элемент, при этом выделяется радон — смертельно радиоактивный газ. Также будут образовываться токсичные соли».

— Тобол каждые лет восемь размывает берега на километр в ширину, в прошлый раз это было как раз в 2016 году, за полгода

до решения о возобновлении добычи, — говорит Алексей Шварц. — В Зверинке проходили общественные слушания, люди задавали вопросы об этом представителям «Росатома» и местным властям, те уверяли, что все будет происходить на возвышенности, на уровне 13 метров выше реки, это место не затопит никогда, а если и затопит, то местным жителям уже будет все равно, потому что сначала затопит их, а уже потом — скважины.

«Слушай меня! — орал на активиста во время общественных обсуждений районный депутат Анатолий Кандалов. — Вода 10 метров — она стоит на уровне Зверинки! Если будет 12 метров — тебя смое! Поэтому не надо говорить того, чего не будет никогда!»

В 2020 году, когда «Далур» вел еще только геологоразведочные работы, из-за паводка он приостановил их и отвел технику «на безопасные участки». Но вскоре вернулся к бурению. А в апреле 2024-го случилось то самое «никогда»: Зверинку затопило, людей пришлось эвакуировать. В «Далуре» уверяли, что до их урановых полей вода не добралась. Активист Сергей Еремин говорит: если и правда не добралась, то всего на полметра, судя по уровню воды.

Николай Афанасьев отлично знает местность, и он предполагает, что новые скважины водой накрыло.

— Новые скважины, геологоразведочные, находятся в низине, — говорит он. — Их там пробурено по три штуки с двух сторон озера. Это самая богатая часть месторождения, но она постоянно заливаются в половодье. В этом году не только озеро, но и весь прогиб местности залит, а это 500 метров на тысячу.

Реальное состояние новых скважин «Далура» не оценить, к ним не подпускают и Тобол, и служба безопасности «Росатома». Но места, где были старые скважины, оказались под водой, как и боялись противники добычи.

— Во-первых, воды уранового тела на глубине около 400 метров находятся под давлением, что послужило причиной отказа в добыче в советские времена, — резюмирует Еремин. — Тогда уже был представлен расчет затрат на переселение людей, но в итоге от планов отказались. Во-вторых, тысячи пробуренных скважин в пойме реки будет и дальше затоплять, и со временем это сделает все горизонты подземных и внешних вод сообщающимися. В-третьих, для растворения урана под землю закачают более миллиона тонн серной кислоты, и мне трудно представить «пользу», которую это принесет. И четвер-

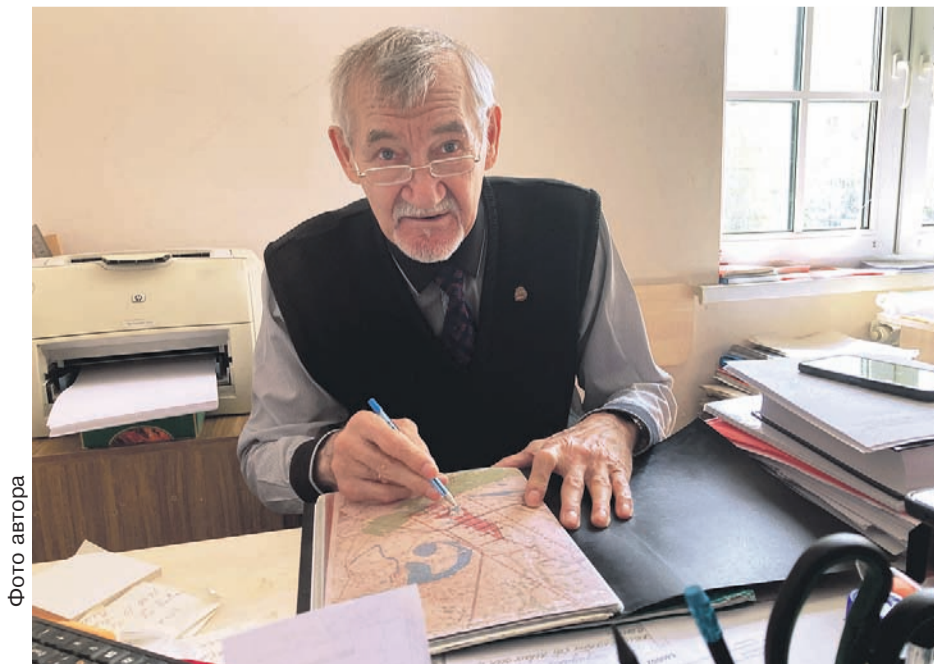

Фото автора

Сергей Еремин

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

тое — самое страшное: через 20–25 лет, когда закончится добыча, под месторождением останется более двух тысяч тонн неизвлекаемого урана, растворенного в кислоте, об этом говорят расчеты самого «Далура». И что нам делать с этим подземным озером? Через 25 лет «Далур» добудет свой уран и смоеся, под землей останется решето, и все забудут про Зауралье, про здешних жителей...

Восемь лет активисты в Зверинке вместе с экологами из Кургана пытались добиться отмены решения о добыче.

— Мы потратили массу организационных усилий, — рассказывает Еремин. — Тринадцать раз только подавали заявление на проведение референдума, но нам отказывали. Дошли до Думы, Дума отказала: это, сказали, вопрос федерального значения. Не нашего ума, сказали, это дело! Врут. Оболгали и соврали. Потому что это вопрос совместной ответственности — федеральной и региональной, поэтому они и обязаны проводить общественные слушания.

Общественные слушания по добыче действительно проходили. Вместе с представителями «Далура», говорит Еремин, на них автобусами прибывали сотрудники предприятия и участвовали в голосованиях. Их всегда было больше, чем местных, пришедших послушать про уран. Итог голосования был за предложения «Далура».

«Следует отметить, что деятельность АО «Далур» поддерживают жители Звериноголовского района, — сообщает сайт компании. — Члены инициативной группы направили главе ГК «Росатом» Алексею Лихачеву письмо с просьбой «активизировать реализацию проекта освоения «Добровольного» месторождения урана, так как это означает развитие села и создание новых рабочих мест».

Немного физики. Почему уран нельзя есть и пить?

Физики считают, что проблема не только в Зверинке, где месторождение в пойме реки. Подземный уран, растворенный в кислоте, гораздо опаснее, чем нетронутые месторождения.

— В Курганской области беда в том и заключается, что уран там останется в растворенном виде, — говорит Алексей Шварц. — Это жидкая кислота, содержащая в себе радионуклиды, самые опасные — альфа-радиоактивные. «Пробег» у альфа-частицы маленький, от нее можно укрыться даже резиновыми перчатками, но если радиоактивное вещество попало на кожу или внутрь организма, альфа-частицы начинают атаковать клетки и провоцируют рак.

Инженер-физик Андрей Ожаровский много раз приезжал в Курганскую область с дозиметром и спектрометром. Первый прибор фиксирует уровень радиации, второй позволяет установить, какой именно химический элемент «фонит». По словам Ожаровского, говоря об опасности добычи, надо учитывать не только сам уран.

— Уран — родоначальник целой цепочки дочерних продуктов распада, по которым мы и определяем, что уран присутствует, — объясняет он. — Среди этих продуктов радий, газ радон, а также такие радиоактивные ядра, как висмут-214, свинец-210, полоний. Сам уран не виден на спектрограмме, есть ряд технических сложностей, связанных с моим прибором. Чтобы увидеть присутствие именно урана, надо на местах добычи накопать стаканчик этой землицы и задорого сдать его на радиохимический анализ. Если «Далур» будет и дальше отрицать очевидное, придется так и поступить. Но уже сейчас на спектрометре я увидел «зубец», который означает присутствие в почве висмута-214. Продукты распада крайне короткоживущие, и если они там есть, значит, уран там тоже есть.

Действие радиации на организм «изнутри» известно по случаю отравления

Фото автора

Далматовское, следы протечек на скважинах

Александра Литвиненко: полоний-210, послуживший «добавкой» к его чаю, это один из продуктов распада урана. По словам Ожаровского, формально «доза от чая была относительно небольшой».

— Понятие «доза» изначально было рассчитано на внешнее облучение, в основном на гамма-излучения, — продолжает Ожаровский. — Считается, что та же доза, полученная за счет альфа-излучений, опаснее в 20 раз. Если бы то же количество полония лежало на теле, человек мог получить радиоактивный ожог, но остаться живым. Тот эффект был обусловлен тем, что он получил внутреннее облучение.

«Там, где прорывы были, земля, как выжженная»

Помните, что говорила доктор Максимова о росте заболеваемости раком? В Далматовском районе, который она упомянула, добыча урана идет уже 23 года, это первое месторождение, которое начал осваивать «Далур». Согласно проектной документации, в 2025 году работы здесь должны сворачивать. Но уже теперь жители Зверинки могут ездить в Далматово на экскурсии и смотреть, что будет с ними и их детьми через пару десятилетий. Причем здесь нет таких добавочных факторов, как в Зверинке, высоконапорных вод и паводков.

Начиная работы в Зверинке, представители «Росатома» тоже ссылались на опыт, накопленный ими на уже осваиваемых участках. «Применяющаяся нами методика проходки и последующей ликвидации разведочных скважин позволяет вести экологически чистую для окружающей среды добычу», — уверял главный геолог «Русбурмаша». По его словам, «за всю историю освоения урановых месторождений в Курганской области не было зафиксировано ни одного ЧП». Этот тезис представители «Далура» вообще любили повторять перед прессой и на общественных слушаниях.

Компания «Далур» была официально зарегистрирована в 2001 году. Место регистрации — Курганская область, Далматовский район. Отсюда и

название: «Далур» — далматовский уран. Месторождение находится между селами Уксянское и Песчано-Каледино.

«Далматовское» было открыто в советское время, в 1979 году, с 1984-го там началась опытная добыча, в течение десяти лет извлекали 45 тонн урана в год.

— Еще при советской власти, когда начали разрабатывать месторождение, у нас на работу брали только тех, кто старше 40 лет, — рассказывает Слава (имя изменено), работавший в компании бурильщиком. — Да и то спрашивали: детей еще планируете иметь или нет?

В 1994 году случилась известная нам по «Добровольному» история: добычу прекратили, скважины законсервировали. В отличие от Зверинки, здесь не всплыло документа о причинах остановки, а в «Росатоме» все объясняют «любимой» нехваткой финансов в 1990-е. Спустя шесть лет финансы появились, и с 2001-го специально учрежденный «Далур» начал работы на «Далматовском».

Компания позиционирует себя как один из ведущих налогоплательщиков Зауралья. В 2017 году, приступая к освоению Зверинки, она обещала: «Платежи в бюджет и внебюджетные фонды за время эксплуатации месторождения составят более 25 млрд рублей». Судя по бухгалтерской отчетности «Далура» за 2019–2022 годы (есть в распоряжении редакции), она платит в бюджеты разных уровней в среднем 400 миллионов рублей в год. Что с этого местным, живущим на уране? Компания сообщает о том, как дает денег, скажем, сельским школам. Ни один из населенных пунктов, где она работает, не выглядит облагодетельствованным.

— Дороги нам разбили своими грузовиками, — вздыхает старушка на скамеечке в Уксянском. — Обещали, правда, починить.

Из Далматова в Шумиху, к еще одному месторождению «Далура», судя по картам, должны вести две дороги, но ни по одной из них мы проехать не смогли. Одна — это колея от большегрузов, легковушка в ней просто утонет. Другую отремонтировать начали, сильно, судя по обочинам, экономив на ширине, но заканчивается эта узкая полоска асфальта в чистом поле. То есть на длине тоже сэкономили. Нам пришлось делать крюк и возвращаться в

Курган, чтобы оттуда двигаться по федеральной трассе.

В Далматове находится железнодорожный узел, куда поступают цистерны с концентрированной серной кислотой для далуровских работ. Дальше ее на грузовиках везут к месторождениям и перед тем, как залить в скважины, разбавляют.

— У нас скоро 25 лет идет добыча, уже больше миллиона тонн кислоты под землю закачали, — говорит Слава. — И как кислоту выгружают — у нас запах. Очень чувствуется. Был случай: везли кислоту, а на повороте стояли машины, цистерна оказалась незакрепленной, ну и плеснуло на эти машины. Хорошо, на людей не попало. Раком у нас болеют больше всех в области. Особенно дети сейчас начали. Но всем сказано, чтобы никаких разговоров не было. Вы и меня по имени не называйте. Прежняя главврач детской больницы сказала, что детская заболеваемость увеличилась на 50 процентов, так ее уволить пообещали. Хотя она столько лет проработала. Народ тогда начал возмущаться — ее оставили. Но разговаривать с вами тут не будут.

В декабре 2018 года из-за мороза на «Далматовском» лопнула труба, по которой тек раствор с ураном. Точнее, она не лопнула, а «сложилась гармошкой», как объяснял замначальника бурового участка Тимур Марцинкевич. Он же тогда нечаянно проговорился насчет возможных последствий: «Четыре километра — длина магистрали. При внутреннем диаметре 293 миллиметра в среднем больше 200 кубометров раствора в трубе. Если бы произошел, как пишут в интернете, прорыв, разрыв, то все бы 200 кубометров просто вылились».

От катастрофы уберечь только то, что раствор замерз. Правда, и лопнула труба по этой же причине. Бурильщики увезли куски льда с ураном, дальнейшая их судьба неизвестна, общественности сообщили только то, что успел сказать Марцинкевич: труба попала некачественная, будем разбираться с поставщиками, последствий нет.

— Там бывают прорывы, — усмехается Слава, тоже, напомним, бурильщик. — Кто работает, те это сразу видят, мы же ездим, проверяем.

Окончание репортажа
Ирины ТУМАКОВОЙ —
СТРАНИЦЫ 28-29 ➔

Далматовское, радиационный фон возле скважины

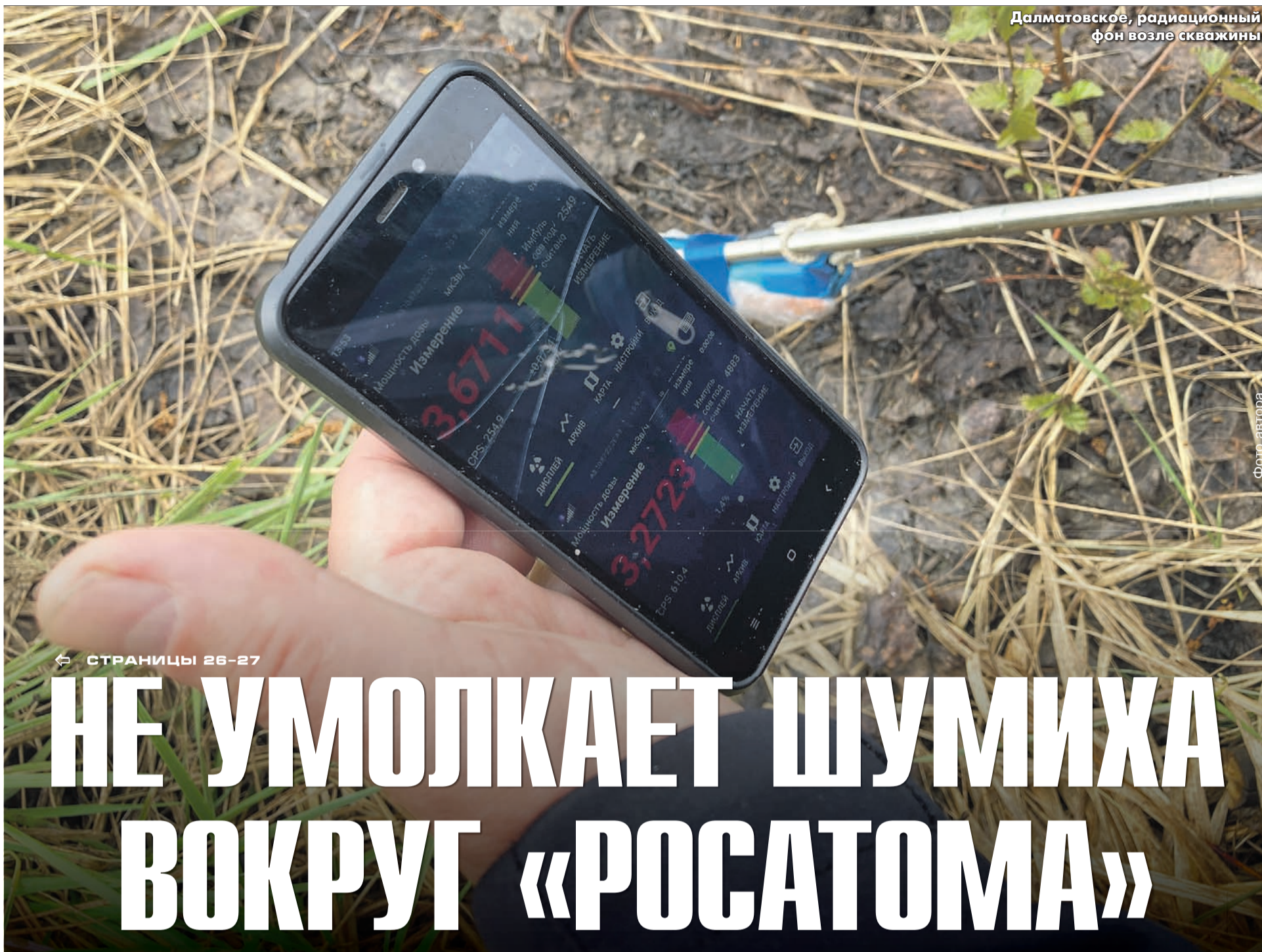

Фото автора

← СТРАНИЦЫ 26-27

НЕ УМОЛКАЕТ ШУМИХА ВОКРУГ «РОСАТОМА»

В тот раз, когда прорвало на четырех километрах, труба просто лопнула. Рабочие приехали, все эти трубы убрали и на базе у себя выложили, вся эта желтая жидкость там таяла. А дальше — через деревню и в речку, наверное, куда еще? А так трубы текут постоянно. Там, где прорывы были, земля голая, как выжженная. На одно из таких мест мы поехали замерять радиацию, с нами две женщины были. Прибор как заорал, что опасность, они к дороге помчались.

Как будет происходить сворачивание работ (и будет ли) в 2025 году, неизвестно. Пока, рассказывает Слава, «Далур», похоже, собирается бурить новые скважины на участке ближе к райцентру. По этому поводу компания, как и положено, проводила общественные слушания.

— Из наших туда мало кто ходил, только активисты, — пожимает плечами Слава. — Ну набралось нас там 10–15 человек. А «Далур» привез три автобуса своих работников. Как, по-вашему, они проголосовали?

В числе активистов, приехавших на те слушания, не как житель района, а как специалист, был физик Андрей Ожаровский.

— Мы задавали вопросы «Далуре», но он насмерть стоял, говорил, что урановый раствор — их деньги, они не допустят разлива, — рассказывает Слава. — А мы уже тогда видели, что разливы есть.

Участок, где компания сейчас ведет работы в Далматовском районе, не огорожен. Есть только шлагбаум со знаком «кирпич» поперек колеи от КамАЗов. Обходишь его — и идешь к скважинам. Мы приехали сюда в мае 2024-го, после наводнения в Зверинке, вместе с Ожаровским, он решил снова оценить состояние скважин с помощью приборов.

По многим трубам и без приборов было видно, что соляной раствор, содержащий уран, постоянно сочится наружу и утекает в землю. Просто видно глазом — по засохшим бело-желтым потекам на трубах. Судя по тому, что на днях был дождь, который мог смыть соли, те осадки, что мы нашли, свежие, хоть и успели кристаллизоваться. А значит, раствор сочится постоянно.

Измерения показали, что возле некоторых скважин радиационный фон доходит до 3,67 микрозиверта в час. Это все та же история, что в Зверинке: гулять здесь короткое время относительно безопасно, но пить воду, в которую это все просачивается через грунт уже 23 года, крайне не рекомендуется.

— Если одна частица радиоактивного вещества попадет в организм, она

будет облучать его изнутри, — объясняет Ожаровский. — Какие у нее шансы попасть в организм? Сами смотрите: вот соль, уран течет в землю, в грунтовые воды, в притоки Тобола, а Тобол — питьевая река.

Жаль, что доктору Максимовой, когда она пожимала плечами в ответ на вопрос о причинах детского рака, никто не показал фото скважин с застывшими потеками урановых солей.

«Если у вас все законно, скажите народу»

Однажды житель поселка Шумиха Вениамин Хотько почувствовал, что питьевая вода, которую он получал из артезианской скважины на своем участке,

сильно испортилась. Было это, он как сейчас помнит, в 2007 году.

— Вода стала кислотной, появился большой белый осадок, — рассказывает Вениамин. — До этого-то у нас тут была очень чистая вода, она проходила по всем анализам. Просто исключительная была вода. К нам приезжали из Челябинска, хотели здесь воду добывать. А тут стал я емкости от этого осадка очищать, это у меня воздействовало на руки, на кости, стали руки болеть. Я думаю: как так?

Вениамин — человек авторитетный и обстоятельный. А тут еще соседи стали звонить, жаловаться на воду. Налил он воды в бутылку и поехал в город — в лабораторию. Сдал воду на анализ.

— И вот мне позвонили оттуда и говорят: приезжайте, готово, — продолжает Вениамин. — Теперь у меня имеется протокол этого анализа. Синие печати. Я приехал с ним в СЭС, там областной врач, она говорит: не моя компетенция, а есть организация по всяким радиоактивным службам. Ё-моё, радиоактивным! От «Росатома».

Протокол анализа, о котором говорит Вениамин, подписан врачом Центра гигиены и эпидемиологии Курганской области. Он сообщает, что в воде из артезианской скважины «общая бета-активность» превышает норму в 1,86 раза. «Рекомендуем проверить радионуклидный состав бета-излучающих элементов», — добавлено в справке под конец. Вениамин поехал выполнять рекомендации и выяснил, что в воде у него обнаружен радиоактивный висмут-214.

— А я же такой человек, что знаю, как начинать, как закончить, поэтому поехал со справкой в эту лабораторию «Росатома», которую мне сказали. Пришел к ним: у меня, говорю, есть протокольчик. Они взяли, посмотрели, сделали копию.

Фото автора

Шумиха, месторождение Хохловское

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Смотрят — он уже зарегистрирован в реестре. Они при мне позвонили куда-то и говорят: а ты зачем дал ему протокол, кто тебе разрешил, почему ты нам не позвонил? И дальше — все, молчок. И никакой бумажки от них у меня не осталось. Есть только протокол из лаборатории.

Так в 2007 году Вениамин узнал, что в Шумихе, в трехстах метрах от его огорода, компания «Далур» просверлила в земле много скважин и качает оттуда уран. Это второе их месторождение, где работы к тому времени шли три года. Газета «Курган и курганцы» писала, что в Шумихе добывают 350 тонн урана в год. Вениамин изучил вопрос, и теперь он много знает об уране и продуктах его распада.

— Самое плохое, что, когда они оттуда все выкачивают, наружу выходит полоний некий такой, — стучит он по столу огромным кулаком. — И вот этот полоний является отравляющим веществом. Весь город от этого урана страдает. Головные боли, повышенное давление. Болеет народ у нас. Много очень раковых опухолей, я многих друзей похоронил. Мы обращались в прокуратуру, в Следственный комитет, в надзор. Куда мы только не обращались. Везде отписки. Надзор нам пишет письма: пока, дескать, не можем проверить достоверность. Уже 2024 год, а они все качают, все добывают. Нам сказали, что все это под присмотром Путина. Ну какой тут Путин, он тут при чем? Если вы у нас законно, тогда вы скажите народу, чтобы мы убрались. Дайте денег, мы уедем.

С тех пор Вениамин запасает в доме для всех нужд дистиллированную воду. Складывает в рабочей времянке в трехлитровых банках. Он стал местным активистом и борется за права односельчан. Да так успешно, что «Далуру» не удалось провести в Шумихе свои обычные слушания с автобусами привезенных голосов: шумихинцев просто собралось столько, что слушания отменили.

Тогда компания назначила новое собрание. Только уже не в Шумихе, а в соседней крохотной деревне Трусилowo. На нее урановые месторождения наступают другим своим краем, вроде и близко, но доехать туда из Шумихи непросто.

— Мы отказались в деревне проводить собрания ихние, потому что это к райцентру относится, — горячится Вениамин, вспоминая те события. — Потому что вон оно — у меня, 300 метров от огорода, вон где добыча идет урана. Они собрали здесь слушания о выделении земельного участка, чтобы строить завод по химическому выделению урана. В общем, все земли они в итоге получили и без нашего согласия, написали, что все состоялось. Заводик построили, трубы подсоединили, и крутят, и качают, вот эту всю циркуляцию делают.

По данным «Далура», все слушания прошли в нужное время, в нужном месте, с нужным кворумом, все решения принимались при горячей поддержке местного населения. Население попыталось оспорить это в судах, но везде проиграло всухую.

умерла. На следующей улице сосед болеет. И всем ставят сердечную недостаточность. Я каждый раз задавал врачам вопрос: как так, жил человек, а потом упал и умер? А до этого лечился от онкологии, удаляли ему что-то. Болеют в основном почки, печень, а больше всего желудок. А потом раз — и умер человек от этой недостаточности?

Лена Ширяева — предприниматель, держит небольшой ресторан и магазинчик в Шумихе. Она молодая женщина, но у нее уже две маленькие внучки. Лена привезла Вениамину торг, так мы познакомилась. В Шумиху мы приехали тоже вместе с Андреем Ожаровским и с его неизменными приборами, и, узнав об этом, Лена попро-

Фото автора

Вениамин Хотско

сила «проверить воду» у нее дома. Андрей объяснил, что так это не делается, но если где-то есть накипь или осадок, можно «проверить» спектрометром. Мы развинтили фильтры для воды у Лены и оставили рядом с ними спектрометр. Анализ показал, что в воде есть все тот же висмут-2014.

Еще немного физики. Откуда берется висмут

Как объясняет Андрей Ожаровский, в воду, которую люди в Шумихе получают из скважин, радиоактивный висмут-214 попадает как продукт распада урана. Как звено в цепочке этих распадов.

— Висмут-214 в воде означает, что здесь же были уран и радий, но мы их нашим прибором не видим, — говорит Андрей. — А поскольку висмут-214 — короткоживущий элемент, это значит, что уран и радий были здесь совсем недавно. Если взять любой справочник, то мы видим: уран-238 испытывает альфа-распад, превращается в торий, торий — в уран-234. Тот превращается в еще один торий-230, и вот дальше начинается рок-н-ролл. Еще

один альфа-распад — и получаем радий. Дальше — радон-222. Это благородный газ, который не вступает в химическую реакцию, у него период полураспада — 3,82 суток. Он быстро просачивается по трещинам из одного края месторождения в другой. И вот эта гадина рождает полоний, потом — свинец-214 и висмут-214. Дальше в цепочке распадов полоний-214, свинец-210, висмут-210, а потом тот самый полоний-210, убивший Литвиненко.

Забивать себе голову цепочками ядерных распадов необязательно. Важно, что пока уран лежит себе в месторождении, все те же «чудеса» с ним происходят, только сам он и «дочки» остаются под землей. Поэтому и в Шумихе месторождение не создавало проблем, пока его не начали бурить. В «Далуре» уверяют, что везде их трубы абсолютно герметичны. Что тогда означают скважины с кристаллизовавшейся солью на «Далматовском» и висмут в питьевой воде в Шумихе?

— Соль на скважине — это симптом, — подытоживает Андрей Ожаровский. — А висмут в воде — это уже предвестник катастрофы.

«Мы не хотим криминала. Мы хотим, чтобы власть этим занялась»

— В Далматове уже все понятно, — машет рукой активист Сергей Еремин. — Зверинку мы еще надеемся отбить. Но страшно, что людям самим, кажется, уже ничего не надо. Люди себя уже похоронили. Понимаешь, как страшно?

Самым стойким населенным пунктом из всех, что пробовали возражать «Росатому», сегодня остается Шумиха. Гвозди бы делать из этих людей.

— Люди-то сюда приезжали сосланные, — рассказывает Лена Ширяева. — И были это люди, скажем так, передовые. У нас вот дед был сосланный, потому что у них была корова, лошадь была. А что пять детей было и их двое, что семь человек прокормить надо было, так нет, они же были уже кулаки. И их сослали. Сослали, в чем были. Надевали платя на платя, что успели надеть — то и взяли. Ну и плюс Шумиха стоит на Челябинском тракте, эта ветка дальше уходит на север. Многие сосланные здесь оседали. Тут и захоронено много.

Может быть, поэтому месторождение «Хохловское» в Шумихе даже внешне заметно отличается от «Далматовского». Не колея от КАМАЗа в лесу и столбики, заматанные проволокой, а просто образец производственной культуры. Все красиво огорожено «колочкой» с надежными воротами, видеокамерами и убедительными предостережениями насчет «запретной зоны». Подойти и что-то измерить на скважине не то что невозможно, а даже в голову не приходит при виде такой красоты. Может быть, это — хоть какой-то результат того, что шумихинцы не сдаются и продолжают трепать нервы «Росатому». Жалко, что качество воды и вообще жизни в Шумихе от этого не лучше.

Шумиха была небольшим поселком, железнодорожной станцией, пока во время войны не стали перебрасывать за Урал предприятия с европейской части страны. Тогда и Курганская область поя-

вилась, ее «склеили» из частей Тюменской, Свердловской и Челябинской. И статус Шумихи повысился.

— Здесь поднимали целину, распахи-вали поля, деревья выкорчевали, — продолжает Лена. — Тут такой был мощный пласт сельхозугодий. И производства у нас были мощные. Только цеха мясного комбината — три с половиной тысячи человек работало. Он накрылся, когда там хотели сделать рейдерский захват, подрезали им поставки мяса. Был еще хлебокомбинат, изумительные пряники делал. Швейный цех работал огромный. Был маслокомбинат. Там такие торты делали, каких больше нигде в стране не было, и с ореховой крошкой, и с изюмом, и с мороженым, они занимали первые места на ВДНХ. Потом в 90-е зарплату людям давали этими тортами.

Когда предприятия позакрывались, Шумиху не постигла участь тысяч таких же поселков только потому, что «все вытянули на себе предприниматели, ипэшники», говорит Лена.

— Тогда крышевание было, вот это все, — рассказывает она. — Но работать-то где-то надо, зарабатывать надо было. И в торговле дыра была: ни молока не было, ни мяса. А есть хотелось. На рынках мясо появилось только благодаря ребятам, которые вкалывали на своем поле. А скотина — ей же надо и корма, и конюхов нанять, и много чего еще. И заколоть надо скотину, и отвезти, и продать. Ну и мы все друг друга выручали: тот продает, тот везет на автолавку. Все выручали друг друга, денег одалживали. На мясозаводе зарплату тазиками давали и ведрами, на маслозаводе меняли масло на обувь, а ипэшники все это продавали. И для города предприниматели все делали: то садиком поможете, то школам надо, то на фейерверк денег соберите, то елку организуйте. Вот так крутились, крутились — и вытянули.

В нулевых появилась новая напасть: большие торговые сети начали ипэшников выживать. Пример Лены говорит, что и тут их не сломали.

— Все время к нам приходили с проверками: кассовый аппарат не тот, программа не та, то налоговая проверяла, то милиция, то Роспотребнадзор, — вспоминает Лена. — Закроют штук пять магазинов — и тут же появляется какой-нибудь «Магнит». Или пришел к нам «Метрополис», местная сеть. Представитель приходит на предприятие, где делают мыло. И спрашивает: сколько у вас мыло стоит? Ему говорят: ну 14,50. Представитель открывает дипломат, там пачечки денег: вот на это все, говорит, нам мыла по 11 рублей. А я как с таким чемоданчиком приду? Это у них сети, а я куда это мыло потом распахую?

Теперь эти же люди, мелкие предприниматели, сражаются с «Росатомом». Не то чтобы с большим успехом, но 17 лет не сдаются. Рук не опускают и надеются, что когда-нибудь победят.

Курганские коммунисты во главе с Сергеем Ереминым недавно направили письмо с описанием проблемы Путину. Шумихинцы тоже подписались. Надо ведь Путину информировать о безобразии, а то наверняка скрывают от президента. К письму приложили много листов с подписями жителей района. Тысячи подписей. Чтобы президент знал, что народ думает.

— Мы подписи собирали, чтобы прекратить это, — объясняет Вениамин. — Мы не хотим криминала. Мы хотим, чтобы власть этим занялась. Но если власть не будет заниматься... Люди приезжают ко мне, говорят: Вень, ну как? Я же не один здесь. Они мне говорят: не оплошай.

Ирина ТУМАКОВА*

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Новая газета» направила запрос в «Росатом». Обязательно опубликуем точку зрения корпорации, если ответ последует.

* Внесена Минюстом в реестр «иноагентов».

У СОСЕДА, ВАСИЛИЯ, ЗНАЧИТ, ОПУХОЛЬ В ГОЛОВЕ ПОЛУЧИЛАСЬ. ПОВЕЗЛИ ЕГО НА ОБЛУЧЕНИЕ, ОН ТУДА НА СВОЕЙ МАШИНЕ УЕХАЛ, А ОБРАТНО ВЕРНУЛСЯ НА КАТАЛКЕ

— Люди от онкологии умирают, а им ставят сердечную недостаточность, — продолжает Вениамин. — И попробуй докажи. Вот у меня тут сосед от онкологии умер. Осталась Наташка, жена его с сыном. Он работал энергетиком. И у другого соседа, Василия, значит, опухоль в голове получилась. Повезли его на облучение в Челябинск, он туда на своей машине уехал, а обратно вернулся на каталке. Еще одна соседка тоже со скважины воду пила,

Жанр происходящего сегодня вокруг театра стоит, наверное, определить как «страшная сказка». Страшная — потому что многое пугает абсурдом, жестокостью, непредсказуемостью, а сказка — потому что во все это почти невозможно поверить. Но приходится. Мир бешено живет синергией взаимоисключающих событий, и на театр ложится все более трудная ноша.

Зрители это остро чувствуют. Публика, сокрушаются люди театра, в этом сезоне повывшенно «взнервлена», сетует и жалуется вне логики и нормы:

- Почему у вас так жарко?
- Почему у вас так холодно?
- Почему спектакль идет без антракта?
- Почему в спектакле такие длинные антракты?

Вдруг кто-то в фойе падает в обморок.

А кто-то недоумеует, почему в зрительный зал не пускают с любимым хомячком.

— В других театрах пускали!

И приходится срочно искать картонную коробку, чтобы не слишком дискриминировать хомяка пребыванием в администраторской.

Но главное, сильно повысился градус внетеатральной напряженности.

Во-первых, страх. Он накрыл потенциальных зрителей после трагедии в «Крокусе». Сегодня перед спектаклем в ряде театров по трансляции звучит предупреждение о возможной эвакуации. На входе в Малый театр зрителей встречает и обнюхивает большая овчарка. Продажи билетов в столице весной упали на 25–30%; никакое снижение цен не помогло заткнуть экономическую брешь. Из-за этого где-то продлили сезон, отодвинув отпуски. А самые разумные всерьез решили проверить свои системы безопасности. Эта надобность и впрямь из первостепенных.

А во-вторых, спектакль сегодня — больше чем спектакль, он повод для доноса. В зал сплошь и рядом приходят не просто зрители — наблюдатели: правые активисты, помощники депутатов, телеграммики. Не нравится позиция артиста? Режиссер дал не то интервью? В социальных сетях крамола? Шаткая и сомнительная готовность оскорбляться отвердела в общественный фактор, повод для преследования.

События. Ими по-прежнему становятся спектакли. Как ни поразительно, в эти времена театр устоял, не разрушился, несмотря на зияющие потери в личном составе: Туминаса нет; Бутусов, Карбаускис, Крымов, Серебренников больше в России не работают. Но для их коллег уходящий сезон стал сезоном вершин. На них и сосредоточимся.

Сезон открылся спектаклем Алексея Бородина «Леопольдштадт»: судьба ев-

рейской семьи в довоенной, военной и послевоенной Вене, описанная пером классика современной драматургии Тома Стоппарда, потрясала и потрясает зал. Стоппард, английский драматург с еврейскими корнями, размышляет, в чем всемирные корни антисемитизма. И вслед за Ханной Арендт («Истоки тоталитаризма») пытается художественными средствами найти «какой-то новый закон на земле, который должен быть правомочным для всех». В обманчиво простой спектакль легко вписывается современность: звериный лик антисемитизма, явленный прямо сей-

час, трагедия целых народов и отдельных людей, споры о верном и ложном путях. Опрокинутый в прошлое, спектакль гудит больным настоящим — сегодня его накрыло и усилило цунами конфликта между Израилем и Палестиной: волны реакций европейских интеллектуалов, адский жар социальных протестов.

Спектакль Валерия Фокина, посвященный судьбе и участи Всеволода Мейерхольда, называется «Чужой театр». Он итожит многие годы творческого диалога сквозь времена. В нем Фокин прорывается к человеку, который долгие

годы значит для него больше, чем пример, вызов и метод. Который и его собственную судьбу выстраивал мистически и конкретно. Возможно, поэтому спектакль, обращенный к памяти мастера, вызывающе живой, а за выверенным решением бьется страстная мысль.

«Чужой театр» — попытка взлома парадигмы «художник — государство», попытка понять ее возобновляемость. Спектакль — еще и урок Мейерхольда, открытая демонстрация его важнейших приемов. В нем — поверх действия и сюжета — осязимо некое сверхусилие: борьбы со временем,

Сцена из спектакля
Алексея Бородина
«Леопольдштадт»

Сергей КИСЕЛЕВ

СТРАШНАЯ- СТРАШНАЯ СКАЗКА

**ПОДВОДИМ
ИТОГИ
ТЕАТРАЛЬНОГО
СЕЗОНА**

Александринский театр

Стас ЛЕВЩИН

занавес

меняющим нас всех, борьбы с личными и историческими обстоятельствами, отнимающими нас у нас же, борьбы с сопротивлением материала. И возможно, художнику сегодня особенно остро хочется понять: что чувствовал другой художник, оставшись наедине с веком, который вчера его возносил, сегодня отторгает, а завтра казнит?

«Холопы» Гнедича, пьеса, чей фон — крепостничество в эпоху Павла I, казалось бы, не то произведение, которое позволит выяснить отношения с современностью. Андрей Могучий это опроверг. «Холопы» для него — попытка осознания тяжкого русского недуга. Попытка понять, откуда наше повреждение несвободой, где корни жестокости как инструмента власти, и разять явление, во многом объясняющее нашу реальность.

Из особых рефлексий петербургских писателей по отношению к империи, из эстетики гнущего прошлого рождается и накрывает зал странное волшебство спектакля. Позавчера и сейчас связаны в истории неразрывно. Вымышленный персонаж — «Мысль об императоре Павле I» — исполняет безмолвную, но значимую роль. Александр Шишкин, лучший сценограф для тех, кто хочет сообщить особую таинственность атмосфере: мечущиеся тени на белых стенах, свечи, горящие в руках прислуги, сходящиеся углом стены обояника. Так исподволь возникает темная материя времени, и в сыром петербургском воздухе повисает неотвеченный вопрос: «Зачем я холопствовал всю жизнь?!»

Абсцесс. Как известно, весь организм ощущает нездоровье, если в теле идет абсцесс. Таким для театра стал процесс над Евгенией Беркович (внесена в перечень террористов и экстремистов) и Светланой Петрийчук (внесена в перечень террористов и экстремистов). Авторами спектакля «Финист Ясный Сокол», несущего громкий сигнал общественной тревоги, аларм-предупреждение о террористической опасности, человеческой трагедии, сломанных судьбах. Именно его объявили пропагандой терроризма. И судят военным судом.

Год, который режиссер и драматург провели в СИЗО, утвердил стандарты абсурда даже не кафкианских, а каких-то новых масштабов. Когда белое называют черным и всё кладут и кладут черную краску во много слоев.

Соседство с этим процессом «обычную» жизнь сцены тоже исподволь меняет: одно усиливает, другое обесценивает. Условность и относительность стали вполне бытовыми понятиями: многое важное вчера кажется относительным и условным сегодня. Одна надежда, хоть и слабая: вот бы срок, который впервые в современной России маячит за написанные пьесы и постановку спектакля, тоже оказался условным.

Утраты. Их было много, все кажется невозможными. Валерий Семеновский, замечательный театральный писатель. Валерий Галендеев, уникальный педагог, исследователь сценической речи. Артист Дмитрий Липинский, премьер Студии театрального искусства.

Великий историк Художественного театра Инна Соловьева. Всех не перечислить...

Пушкин. Четыре столичных театра взялись за юбилейные задачи.

225-летие со дня рождения первого поэта породило «пушкинскую весну»: спектакли в Вахтанговском театре, в МТЮЗе, в Малом театре. И еще в «Ленком», который только что покинул Алексей Франдетти, сделав прощальный поклон — музыкальный спектакль «Кабаре Пушкин».

Однако Пушкин — казалось бы, такой блистательно театральный — для сцены всегда сложное испытание.

Анатолий Шульев, Кама Гинкас, Владимир Дубровский — разные школы, разные почерки.

«Повести Пушкина» в Вахтанговском — обаятельный молодой спектакль

такль с внятно усвоенными уроками Туминаса. Был бы еще лучше, если бы Шульев уже сейчас, на старте карьеры главного режиссера, научился себя сокращать. Во-первых, Пушкин ценил краткость. Во-вторых, длинноты убивают энергию сценического текста. В-третьих, с оммажами современности. Здесь Марья Гавриловна летает по сцене на гироскутере, звучат цитаты из Википедии, а в деревянных ящиках с надписью «Хрупкое» в финале оказываются белые гипсовые головы первого поэта. Гинкас монтирует ироническую веселость прозы с трагедией судьбы гения, «Повести Белкина» — с великой лирикой, и над сценой висят огромные мерзлые ветки. Но кажется, режиссуре вредит избыточная очевидность. И возможно, дух времени, властвующий над постановщиком, оказывается сильнее пушкинского...

А спектакль Алексея Дубровского в Малом театре против ожиданий являет качества подлинной старой театральной школы. В нем солируют два артиста: Василий Бочкарев в роли Барона в «Скупом рыцаре» и Михаил Филиппов в роли Сальери в «Моцарте и Сальери». И получается спектакль о свойствах злодейства: алчность и зависть как две грандиозные страсти, разрушающие человека.

У обоих тончайшие смысловые лессировки. Бочкарев играет отношения Барона с деньгами как почти сексуальную зависимость, создает личный черный космос. А Филиппов на глазах зала проходит сложную партитуру состояний: восторг, удивление зависти, судорога решения, гибель души. Оба объемно и мощно играют дурных людей, за которыми интересно следить. В «Каменном госте» таких сильных партий нет и вообще многократно пластических номеров в венецианских масках. Но в этом спектакле архаика неожиданно обращена в стиль.

Выглядит ли Пушкин современным? Несомненно. Но к тому же еще и неприступным.

Назначения. Очень смешные новости под конец сезона — оптимизация, смахивающая на диагностированный бред. Собрали троих, объединенных единственно правильной гражданской позицией, и дали им по два театра в одни руки.

Зачем? Нет ответа. У Владимира Машкова теперь Театр Олега Табакова и «Современник». У Константина Богомолова — Малая Бронная и Театр Виктюка. У Евгения Герасимова — бывший Театр Луны и еще Театр сатиры.

«Современник» с двумя сценами неожиданно получил самого бурного и занятого российского театрального деятеля.

Владимир Машков уже руководит двумя сценами «Табакерки», театральным лицом, огромным хозяйством Союза театральных деятелей, а еще и в «Современнике» собирается «...развивать русский психологический театр, центром которого всегда являлся и будет являться артист. Но при всей его бешеной энергии как эффективно усидеть на трех стульях? Тем более что между аудиторией «Современника» и сытой, богатой публикой «Табакерки» очевидная дистанция. И еще: «Современник» в своей биографии бывал уставшим, постаревшим, растерянным, но никогда — сервильным.

Константин Богомолов, как многие помнят, в историческом вчера был обо-

Василий КУЗЬМИЧЕНКО

Софья САНДУРСКАЯ / ТАСС

Сергей КИСЕЛЕВ

Владимир ГЕРДО / ТАСС

жаем рядом критикесс в качестве левого новатора. А в настоящем утвердился в диаметрально ином качестве: признанного носителя правых смыслов, полезных власти. Это выдающееся дарование, иногда кажется, сошло со страниц романа Достоевского «Бесы», столь объемно оно воплощает эпоху лукавства и подмен.

Что до Герасимова, тут нечего сказать. Артист, единорог, депутат Мосгордумы. Видимо, достаточно.

Экономность этих решений, как видим, обнажает дефицит доверенных кадров. И к тому же настолько упраздняет смысл театральной работы, что думаешь: может, троллят? У кого ж наверху такое черное чувство юмора, чтобы помнить: идея, доведенная до абсурда, обращается в свою противоположность?

Додин отпраздновал 80-летие. Сегодня именно он и его театр — петербургский Малый драматический театр / Театр Европы — зримая вершина той художественной работы, которую начали Станиславский и Немирович 125 лет назад. Главное в ней — не узкие события сцены, а широкое влияние на движения духа, души и представлений страны.

В сценическом деле, как и в любом, возможен верх и низ, и Додин именно там, наверху. Там, надо полагать, одиноко, да и горным воздухом дышать нелегко, но когда театр всему вопреки осуществляет во времени свою миссию, приходится платить высшую цену.

Год назад была сделана попытка разрушить МДТ. Сюжет со швабрами, сметающими художественный театр, в историческом вчера был бы немыслим, а прошлой весной уже выглядел аномальной нормой. Фарсовый акт Роспотребнадзора был сосредоточен на ведрах для уборки, и суд обошелся штрафом: репертуар частично обрушили — явили жуть перспективы.

Штраф уплатили, осадок остался. И он ошутим на дне двух премьер года — «Лири» и «Палата номер 6».

Суть не в конкретных угрозах театру — в обострившемся ощущении трагедии существования. Недаром, погружаясь в один из самых страшных рассказов Чехова, режиссер обозначает время действия — «во всегда». Сценограф-соавтор — Александр Боровский.

Желтые стены желтого дома, опрокинутые ржавые ванны на снегу, грязь и грубость, предельная уязвимость жизни. И решетка между обитателями палаты и зрителем — за решеткой все.

Очень тихо играют Игорь Черневич (пациент, бывший судебный пристав Громов) и Сергей Курышев (доктор Рагин) — так слышнее отчаяние. Разговор их — о невидимых осях жизни: в чем причина, где моя вина, можно ли все это изменить и что ж теперь делать. Говорят про себя, про Россию, про настоящее и невозможное будущее. В их разговоре — та конечная сосредоточенность, та бескрасочность жизни, которая возникает в главные ее моменты.

В середине разговора кажется, что нечем дышать, будто из зала откачали кислород. Весь ритмический ход спектакля: ведро, умывание, черед обитателей палаты — словно уже в инобытии. Мучительно достоверные Дарьюшка (Татьяна Рассказова) и сторож Никита (Павел Грязнов). И голые ноги избитого умирающего доктора, торчащие из ванны, как сама смерть.

...Додин не раз произносил временный приговор. Каждый его шедевр — от «Братьев» до «Бесов», от «Лири» до «Карамзовых» — собирался быть таким приговором. И всякий раз за безнадежным сценическим текстом брезжил свет. Искусство, даже констатирующее отсутствие надежды, ее дает. И вот впервые за жизнь это не так.

«Палата номер 6» — самый безнадежный спектакль Льва Додина.

В друг откуда ни возьмись появился Дмитрий Дибров, некогда популярный ведущий разнообразных телепроектов. Во всем черном. В широченных клешах. С огромным православным крестом на шее. Всплыл на ютуб-канале Надежды Стрелец (между прочим, более полутора миллионов подписчиков). Сразу выяснилось, что интервьюерша — его бывшая ученица, начинала профессиональную деятельность под его и Новоженова патронатом. Поэтому показно благоговела и выслушивала без меры велеречивого гостя с нарочитым почтением. А гость, как потом написал кто-то в комментариях, словно дорвался до аудитории и почти два часа разливался соловьем. «Вас можно слушать и заслушиваться. Еще бы пять часов с вами сидела», — не без иронии отозвалась в финале Надежда Стрелец.

Для начала Дибров похоронил телевидение. В свойственной ему пафосной манере, сыпя цветистыми метафорами, как горохом из прохудившегося мешка, сообщил, что вместе с недавно умершим отцом-основателем современного ТВ Эдуардом Сагалаевым в землю положили и Останкинскую башню. Впрочем, вскоре об этой кладбищенской метафоре он забыл и поведал, что еще в 2000 году Останкинская башня «сгорела со стыда за то, что мы заставляли ее передавать».

Потом, видимо, передавать решили то что нужно, и эта «игла для идеологических инъекций» (по меткому выражению кого-то из остроловов), как птица Феникс, воспряла из пепла, позволив тому же Диброву продолжить свой славный путь... на канале ТНТ в шоу «Это нормально?», которое, по его словам, «придумали 25–30-летние гении ТВ», вызвав у него чистейший восторг.

Не поленилась и посмотрела это «гениальное» творение. Мама дорогая! «Это единственное шоу на ТВ, где мы на всю страну обсуждаем то, что нормально», — возглашает ведущий Дибров. «Пришло время узнать, что думает наша страна, — подхватывает его соведущая... Ольга Бузова. — Нормально ли ходить без лифчика?»

Надежду Стрелец этот финт профессиональной судьбы собеседника тоже изумляет, и она прямо говорит: «Это, конечно, великая ирония, что вы, создатель интеллектуальной «Антропологии», встретились с «Домом-2» (там начинала свой звездный путь Бузова. — И. П.). Когда я только услышала, что такой проект готовится, я думала, это шутка...»

Но Диброва таким неприкрытым скепсисом с толку не собьешь. Он, оказывается, давно мечтал выйти из зоны комфорта. Если бы и дальше сидел в викторине «Кто хочет стать миллионером» на Первом канале, жизнь бы шла и шла по накатанной. Но ведь «дети-то растут! — с пафосом восклицает он. — И скоро им со мной не о чем будет говорить!»

З ато теперь ответственному отцу троих детей есть о чем поговорить с подрастающим поколением. «Нормально ли не иметь интимную близость более двух лет? Нормально ли втайне читать сообщения в смартфоне любимого человека? Нормально ли жениться на девушке гораздо младше себя?» — спросят папу дети, насмотревшись на него в ящике. А папа — опля! — во всеоружии. Вот тебе и общие темы для общего развития, в том числе и глубоко личные, о которых пожилой муж и молодой отец может говорить бесконечно. Тем более что, по его авторитетному мнению, такие «взрослые папашки», как он, служат стране: «Мы стране династии сегодня создаем. Мы знаем, что мы делаем, — мы делаем новую Россию».

И с Бузовой все не так просто. «Одним Дибровым сыт не будешь (он вообще

Дмитрий Дибров

Елена НИКИТИЧЕНКО / Коммерсантъ

«ОТ ЛИСТЬЕВА ДО БУЗОВОЙ, ИЛИ КАК МЫ ВСЁ ПРОС...ЛИ»

ДМИТРИЙ ДИБРОВ ПОХОРОНИЛ ОСТАНКИНСКУЮ БАШНЮ В ОДНОЙ МОГИЛЕ С САГАЛАЕВЫМ

предпочитает говорить о себе в третьем лице. — И. П.). Тут и Бузова нужна со своими 25 миллионами подписчиков. Но и одной Бузовой сыт не будешь. Оля нужна для масштабирования... Я есть мост времен... Листьева видел, Листьеву портвейн наливал, и Бузову, у которой миллионы просмотров... Надо мной смеются мои друзья-интеллектуалы: она дура. Дура душой, а вас-то она перехитрила со своими миллионами поклонников. Что-то же они в ней находят!»

А Надежда Стрелец все не понимает. Вспоминает 90-е, когда телевизор смотрели абсолютно все, когда появилось крутое, мощное, заряженное сумасшедшей энергией ТВ, менявшее действительность и окружающие обстоятельства. Если такие же люди — молодые, с горящим взглядом — вдруг появятся сегодня, будут ли они способны так же, как их предшественники, изменить обстоятельства? Возможен ли сегодня авторитет, подобный Листьеву?

Н и сама интервьюерша, ни тем более Дмитрий Дибров ни словом, ни взглядом не намекают на особенность «сегодняшних обстоятельств», которые привели к уничтожению того славного ТВ и превращению его в пропагандистскую кувалду, слегка приукрашенную цветными бантиками бессмысленной развлекухи. Это как бы произошло само собой. Было одно время — наступило другое, и надо ему соответствовать, а не бороться за ту самую свободу слова, за которую некогда рвал рубаху на груди Дибров, обвиняя в прямом эфире тонущего НТВ коллегу

Парфенова в предательстве и отступничестве.

Сейчас же авторитетов, подобных Листьеву, Парфенову (а также Христу, Пушкину и Высоцкому — так!), Дибров не представляет. «Но интегральный Листьев, наверное, уже даже и сегодня есть в каком-то смысле, — снова переходит он к своему витиеватому стилю. — Для кого-то Бузова — идол, пример для подражания, символ преодоления обстоятельств». То есть именно она, как некогда Листьев, совпала со своим временем, со своим зрителем и вектором развития ТВ. Да и сам он, Дмитрий Дибров, долгожитель на ТВ, как его то и дело называет интервьюерша, пытается не отставать от новых веяний, во имя чего готов на все. Кстати, одна из программ, которую он когда-то вел, именно так и называлась: «Я готов на все».

«От Листьева до Бузовой, или Как мы все прос...ли», — коротко подытожил суть велеречивых откровений кумира минувших лет один из комментаторов под этим видео.

Над выпуском работала московская редакция «Новой газеты»